

ТОПОЛЬ

СВОБОДНЫЙ
ПОЛЕТ
ОДИНОКОЙ
БЛОНДИНКИ

Эдуард Тополь

**СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ
ОДИНОКОЙ БЛОНДИНКИ**

«Эдуард Тополь»

Тополь Э. В.

Свободный полет одинокой блондинки / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь»,

ISBN 978-5-271-39540-6

«Свободный полет одинокой блондинки» – это легкомысленный авантюрно-амурный роман. В основу приключений его главной героини легли подлинные истории из жизни русских девушек в нынешней России и на Западе и подлинные аферы асов криминального бизнеса.

ISBN 978-5-271-39540-6

© Тополь Э. В.
© Эдуард Тополь

Содержание

Об Эдуарде ТОПОЛЕ и его книгах	5
От автора	9
Том первый	10
Пролог	10
Часть первая	13
Часть вторая	32
Часть третья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Эдуард Тополь

СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ ОДИНОКОЙ БЛОНДИНКИ

Об Эдуарде ТОПОЛЕ и его книгах

«Тополь пишет с таким знанием российской жизни, которого не могут достичь ни Ле Карре, ни Дейтон. Головокружительные тайники информации...» – «Нью сосайети», Великобритания

«Тополь использует вся и всё, что делает бестселлер, – убийство, интригу, секс, любовь, юмор – и, самое главное, не разочаровывает в конце...» – «Бирмингем ньюс», США

«Тополь держит сюжет в напряжении и интригует тайной, разворачивая блистательную панораму российской жизни» – «Цинциннати пост», США

«Топольские книги читаются запоем, от них трудно оторваться» – «Комсомольская правда», Москва

«Эдуард Тополь, по определению парижан, “самый крутой мастер современной прозы”» – «Общая газета», Москва

«Все романы Эдуарда Тополя – это большой захватывающий сценарий, который издается массовыми тиражами не только в России, но и в США, Европе, Японии... А все потому, что Тополь не лукавит с читателем, не морочит ему голову, не играет с ним в литературные игры, а прямым текстом излагает, что думает» – Ирина ИВАНОВА, газета «Версия»

«Некоторые считают романы Тополя бульварным чтивом. Ну, в общем, да – купи увесистый том, садись на скамью на бульваре и читай. Но уже через полчаса ты почувствуешь сдвиг в сознании – “это было со мной и со страной?”. Или будет – завтра, через полгода, через полвека?... Меня всегда поражало и поражает, откуда Эдуард Тополь, этот блудный сын “Комсомольской правды” и нашего непредсказуемого в своей доброте и бешенстве отечества, знает на своей новой родине – в нью-йоркщине – такие реалии российской политики и российского быта, что диву даешься, отчего же свои, не выехавшие никуда летописцы не могут врубиться в нашу действительность и рассказать нам, очевидцам, о ней так, что начнешь читать и не отвалишься, хотя будешь смеяться, и плевать, и швырять от себя эту книжку, но все равно не поделишься с другом, а дочитаешь до конца» – «Комсомольская правда», Москва

«Обилие деталей подчас заслоняет главное нам, живущим на 1/6 (или теперь уже меньше?) твердой земной поверхности. Эдуарду Тополю это не грозит. Он – далеко, он – за океаном... пишет книги о нас, о себе, о любви, счастливо совмещая “близорукость” и “дальнозоркость”. Наверное, это и есть объективность, причем жанр книги – будь то детектив, гротесковый роман или воспоминания эмигранта – значения не имеет. Разве что давнее призвание лирика чуть-чуть мешает. Или помогает. Кому как видится...» – Сергей БОРИСОВ, «Вечерняя Москва»

«“Красная площадь” – это куда больше удовольствия, чем “Парк Горького”, это убедительно и достоверно...» – «Спектейтор», Великобритания

«“Красная площадь” – смесь реальности и авторской выдумки, написана в стиле типичного американского триллера в соединении с глубиной и сложностью русского романа» – «Файнэншл таймс», Великобритания

«“Журналист для Брежнева” – высшая оценка за правдоподобие!» – «Таймс», Великобритания

«“Журналист для Брежнева” насыщен безостановочным действием и документальной достоверностью» – «Нью сосайети», Великобритания

«“Русская семерка” – захватывающий триллер, любовный роман и панорама жизни современной России» – «Нью сосайети», Великобритания

«В “Красном газе” Эдуард Тополь превзошел свои предыдущие романы и выдал захватывающий триллер... Богатый набор характеров, полных человеческих страстей, мужества и надежд... С прекрасной сибирской натурой и замечательной главной героиней, это глубокая и волнующая история...» – «Сёркус ревью», США

«Эдуард Тополь умеет создать грандиозную сцену. Его “Красный газ” – возбуждающе-приключенческая история, где вместо автомобильных гонок герои мчатся на собачьих упряжках, оленях и вертолетах, где плевков замерзает, не долетев до земли, а эскимосы живут по законам тундры. Фабула полна неожиданных поворотов и сюрпризов, снабженных сексом и безостановочным действием...» – «Питсбург пресс», США

«Совершенно необычный роман, “Красный газ” куда больше, чем просто детектив, посвященный расследованию загадочных убийств...» – «Вест Гавайи тудей», США

«“Красный газ” – сильно сбитый роман, полный сочного реализма... Зубасто-когтистая история, полная сильных характеров среди суровой природы...» – «Истерн дейли пресс», Великобритания

«“Любимые и ненавистные”... – бездонное море удовольствия. Притом гарантированного...» – «Известия», Москва

«Эмигрантская трилогия Эдуарда Тополя “Любимые и ненавистные” – это сильнейшая и откровеннейшая страница нашей истории. Я просто поражена страстностью этого произведения. Яркий, равнодушный автор в любом читателе зажжет свет интереса к тому, чем сам пленен.

Мое мнение: по степени “бешеной” любви к своим героям (девам и евреям) Эдуарду Тополю просто нет равных на современном литературном поле. А по глубине и беспредельной откровенности чувств он уже приближается к классикам. Но книги Тополя – это не просто развлекательное чтение, хотя с захватывающими сюжетами у него все в порядке. Они очень страшны по правде своей. Почему страшны? Почитайте – узнаете!» – Наталья ЖЕЛНОРОВА, журналист

«Строго говоря, Эдуард Тополь лукавит, выделяя из двадцати (или уже больше?) написанных им романов “еврейскую трилогию” “Любимые и ненавистные”. Во-первых, евреев и “еврейских” проблем хватает и в остальных его книгах, а во-вторых, вряд ли можно найти другого современного русского писателя, *все* произведения которого составляют столь непрерыв-

ную автобиографическую повесть. Будь то рассказ о кознях КГБ, о газовых олигархах или о друзьях по кино – Тополь всегда пишет о своей собственной жизни. Просто таков его общественный темперамент, не только заставляющий “принять близко к сердцу” очередной отечественный невероятный сюжет, но и побуждающий вгрызться в проблему, докопаться до корней, до прямых свидетелей даже тех событий, которые по определению проходят “без свидетелей”. Это не творческий метод, а способ жизни, который позволяет писателю в обмен на нервные клетки обходиться без высасывания из пальца натужных “приключений для развлечения”.

Продолжая аналогию с автобиографической прозой, замечу, что этот жанр особо нетерпим к языковой неряшливости и смысловой невнятности – для некоторых авторов просто саморазоблачительным. Эдуард Тополь выдерживает и этот критерий – он пишет хорошим русским языком, привитым той сценарной школой ВГИКа, которой может по праву гордиться не только русское кино, но и русская литература» – Борис Пастернак, газета «Время новостей»

«Тополь не документалист, хотя в романе “Римский период, или Охота на вампира” соединяет разное: свои непосредственные впечатления первого периода еврейской эмиграции с рассказом о преступном “романе” итальянского психиатра с тогдашним КГБ; репортаж о событии, которое сейчас называется просто “11 сентября”, – с нашими отечественными медико-криминальными документами такой страшной силы, присутствие которых в романе еще вчера представить себе было невозможно... Этот человек, этот Тополь просто не может не писать романы на злобу дня... Своим беспощадным пером он, как плугом, роет, взрывает знакомые пласты всемирной истории... а злоба сегодняшнего дня – борьба со всемирным терроризмом – объединяет российского президента, бывшего русского коммуниста и разведчика, с еврейско-российско-американским писателем-диссидентом, с американским президентом и с американским летчиком и английским парламентарием...» – Татьяна КОРСАКОВА, газета «Трибуна»

«Прочла “Невинную Настю” и еще раз убедилась в гениальности автора, так реально отражена в ней жизнь современного подростка» – Наталья БАБЕНКО, психиатр, главный врач ММУ «Лосино-Петровский наркологический диспансер», Московская область

«“Невинная Настя”, имея в своем названии слово “невинная”, – на первый взгляд проста и неказиста. Но читатель глубокий, мыслящий, дочитавший ее до конца, ужаснется от той трагической развязки (Тополь как-никак писатель, прославившийся как автор хорошо скроенных детективов), от понимания, что перед его взором во весь рост обозначено название страшной болезни многих нынешних шестнадцатилетних – детская сексуальная наркомания...» – «Версия», Москва

«Если скандальный роман Владимира Набокова “Лолита” вам не по зубам, то теперь у вас есть шанс восполнить пробел в вашем эротическом образовании. И поможет вам в этом новое творение одного из лучших авторов русских бестселлеров Эдуарда Тополя. Книга носит незамысловатое название “Невинная Настя, или Сто первых мужчин”. Юная прелестница подробно рассказывает о своей бурной интимной жизни. Конечно, книга может кого-то шокировать своей откровенностью, но нам-то с вами не привыкать. Ведь правда?» – «Вот так!», Москва

«Не трудно догадаться, что за показной бравадой аппетитной кошечки (а слабо начать сексуальную жизнь в тринадцать лет!) скрывается несчастный, отчаявшийся малыш, который вопиет: “Что делать? Как мне дальше жить, ведь я уже на пределе!” – к нам, чужим и неизвестным взрослым... И пропасть, которая отделяет мир несовершеннолетних от нашей взрослой реальности, становится очевидной до жути...» – «Вечерняя Москва»

«“У. е.” – наилучший из лучших триллеров Тополя. Супер!» – Сергей Юрьенен, радио «Свобода»

«Читайте Тополя!» – «Бильд», Германия

КНИГИ ЭДУАРДА ТОПОЛЯ ИЗДАНЫ В США, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ГОЛЛАНДИИ, НОРВЕГИИ, ПОРТУГАЛИИ, ШВЕЦИИ, ФИНЛЯНДИИ, БЕЛЬГИИ, ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ, ПОЛЬШЕ, ЯПОНИИ И
В РОССИИ

От автора

В марте 2000 года руководство Российского телевидения заказало мне сценарий 16-серийного развлекательно-увлекательного блокбастера по мотивам романа «Я хочу твою девушку». И ровно год мы с режиссером Александром Стефановичем придумывали, а я писал приключения «одинокой блондинки» Алены Бочкаревой, с которой вы познакомитесь в этой книге. Надо сказать, что «блондинка» оказалась весьма своеобразной – хотя в иных коллизиях читатель и обнаружит переключку с новеллами романа «Я хочу твою девушку», эти сюжеты стали для Алены лишь взлетной полосой, с которой она улетела в свою жизнь, независимую от авторов. Да, очень часто, когда один из нас предлагал тот или иной поступок героини, второй говорил: «Извини, но Алена этого сделать не может». Зато сама Алена сумела без всяких наших подсказок налетать своих приключений серий на тридцать. Однако заказ есть заказ, и в феврале 2001 года РТР получила сценарий ровно шестнадцати серий «Свободного полета...».

Закончив эту работу, мы договорились, что Стефанович поставит по нашему сценарию фильм, а Тополь напишет роман. Что я и делаю, желая своему партнеру превзойти на экране то, что я попытался сделать на бумаге.

При этом я понимаю, что читатели, возможно, попрекнут меня сходством отдельных эпизодов этого романа с предыдущей книгой. Но с другой стороны, я давно понял: если мне что-то интересно писать, то и читателю это интересно читать. Надеюсь, что и в данном случае я не зря потратил год жизни.

И последнее. Конечно, у каждого может быть свое виденье, но когда я писал эту книгу, то Красавчиком-«принцем», возлюбленным героем злоключений Алены, я видел актера Олега Меньшикова, его другом Андреем – Леонида Ярмольника, близнецами бабкой Феклой и «графиней» Марго – Людмилу Гурченко, Марксом Владиленовичем – Александра Филиппенко, Кузьмой Аверьяновичем – Льва Дурова, Жуковым – Сергея Гармаша, майором Дугиным – полковника МВД Андрея Дугина, модельером Славой Зайцевым – маэстро моды Вячеслава Зайцева и маэстро Ростраповичем – самого Мстислава Ростраповича.

Алена Бочкарева оказалась как две капли воды похожа на Наталью Бочкареву, новгородскую находку Олега Табакова и студентку Школы-студии МХАТа.

В основу ее приключений легли документальные факты из жизни русских девушек в нынешней России и на Западе и подлинные аферы асов криминального бизнеса.

Желаю вам приятного чтения.

Том первый ДЕВУШКА И ПРИНЦ, или БОЛЬШИЕ ЛЮДИ

Пролог

Конечно, богатые тоже плачут, но кто им сочувствует? И какой богатенький из-за каких-то там слез откажется от денег, вилл, яхт, самолетов, любовников и любовниц? Нет, не спорьте со мной – богатыми быть замечательно! Особенно где-нибудь во Франции, на Лазурном берегу, в Вильфранш, например, сюр-Мер, что неподалеку от Монте– Карло.

Вы были на Лазурном берегу? Еще не были? Я вам сочувствую. Представьте себе рай на берегу Средиземного моря. Монако, Монте-Карло, Ницца, Канны, Сан-Рафаэль, Антиб, Сен-Троpez... Звучит, правда? Сразу слышится мелодия каких-нибудь Легранов, сразу чудится ленивая нега золотых пляжей, тусовка Каннского фестиваля, дорогие парусники с загорелыми красавцами в майках от Феррагамо, кайф курортного флирта и прочие блаженства, доступные только в раю или в фильмах о райских уголках для старо– и новонуворишей.

А теперь представьте, что в этом раю вы выходите замуж. Да, вам двадцать два года, все параметры в норме, вы натуральная блондинка – и две портнихи и стилист примеряют на вас свадебные платья, привезенные ими из Ниццы на вашу виллу – небольшую такую, но вполне приличную, с бассейном, виллу в Вильфранш-сюр-Мер, в трехстах метрах от моря. Возле зеркала, перед которым вы порхаєте, как Наташа Ростова + Одри Хэпберн + Людмила Савельева в «Войне и мире», стоит компьютер-«лэптоп» с небольшим экраном и с глазком видеокамеры, и вы периодически подлетаете к этому объективу и на хорошем французском спрашиваете:

– Мон амур, как тебе это платье?

А на экране ваш жених, родственник принца Монако, стоит за штурвалом скоростного катера, летящего по Средиземному морю со скоростью сорок узлов в час, и перед ним тоже компьютер с видеокамерой, и он говорит вам на том же чистейшем французском языке:

– Повернись вокруг, любовь моя.

Вы поворачиваетесь эдак-разэдак и с бедром взакрут, зная, что он любит вас там, на своем экране, и он говорит:

– Н-да... Знаешь, мон амур, предыдущее платье мне нравилось больше, потому что его было меньше...

Стоп! Здравствуйте, товарищи Сидни Шелдон и Даниэла Стил! Это сцена из ваших романов, не так ли? Погодите, это только начало! Ведь по петляющей Верхней дороге уже катит из Ниццы в Вильфранш миниатюрный грузовичок экспресс-почты «DHL» и – пока невеста меняет платье и снова порхает к зеркалу с видеокамерой, а жених закатывает глаза: «О, это платье замечательно! Ты так прекрасна! Я хочу тебя как безумный!» – этот грузовичок все ближе и ближе к Вильфраншу, и как раз тогда, когда невеста спрашивает: «Милый, а где ты сейчас?», а «милый» сообщает: «Лечу к тебе с Корсики, буду через три часа!» – именно в этот счастливый момент грузовичок с надписью «DHL» подкатывает к воротам виллы и шофер в красном колпаке Санта-Клауса и с фирменным пакетом в руке жмет кнопку звонка. Служанка открывает, хочет принять пакет, но шофер объясняет, что это новогодний презент для невесты, она должна получить его лично и расписаться.

Служанка идет за невестой...

Через минуту невеста выходит, расписывается за пакет и удивленно рассматривает надпись жирным фломастером, которая красуется рядом с ее именем:

Personnel et confidentiel
FOR YOUR EYES ONLY¹

Невеста вскрывает пакет. В нем только видеокассета, ничего больше. А на кассете – ни наклейки, ни лейбла. С недоумением вертя этот странный новогодний презент, невеста возвращается к зеркалам, и жених спрашивает у нее с экрана компьютера:

– Что это, мон ами?

– Понятия не имею, – отвечает невеста.

– Будь осторожна...

– Буду. – И невеста поворачивается к портнихам и стилисту: – Перерыв, можете отдохнуть! – И в камеру, жениху: – Милый, я тебе перезвоню через пару минут.

Оставшись одна, она выключает телекамеру, вставляет кассету в видеомагнитофон, нажимает на клавишу «Play». На экране ее телевизора появляются полосы, как от пустого ракорда в кино, а затем возникают черно-белые кадры, снятые сверху, как снимает видеокамера, подвешенная в углу комнаты. И на этих кадрах:

она же, невеста, только на несколько лет моложе, чем сейчас, совершенно обнаженная стоит на четвереньках в центре какой-то комнаты... На ее спине лежит стекло от журнального столика, на стекле тарелка с фруктами и бутылка шампанского. И какой-то мужлан – крутой и далеко не француз – обходит этот столик, нагибается, заговаривает с ней по-русски, но она неподвижна, как статуя... Он лапает ее за грудь... предлагает дернуть с ним шампанского...

Невеста в ужасе смотрит на экран и видит новое изображение:

она же, семнадцатилетняя, с российской псевдомодной прической-укладкой, в крупной бижутерии и в дешевом платье в обтяжку, неумело позируя, говорит прямо в камеру:

– Здравствуйте, дорогой незнакомый жених! Меня зовут Алена Бочкарева, мне семнадцать лет. Посылаю вам это видеописьмо, чтобы вы видели, какая я есть... —И, поведя глазами в сторону, за камеру: – Ну, чё им еще сказать ?

Голос оператора отвечает ей за кадром:

– Пожелания какие-нибудь,,,

– Ой, да! – спохватывается Бочкарева на экране. —Дорогой незнакомый жених! Я надеюсь на встречу с вами. Я хочу, чтобы вы были высокого роста, добрый, ласковый и, конечно, без ВП. То есть без вредных привычек. Ну, чтобы не курил и не пил. Много...

– Все, заканчивай! – перебивает ее голос оператора. – Пленка кончается.

– погоди! У меня шесть минут оплачено! —отвечает Бочкарева и показывает себе под грудь. – Съмайте вот так! Чтoб лицо! —Ив камеру: —Дорогой незнакомый жених! У меня много поклонников, но замужем я еще не была. Потому что мой главный принцип: умри, но не отдай поцелуя без любви. – И опять оператору: – Вот теперь все, выключай!

Но оператор не выключает камеру, а говорит за кадром:

– Как все ? А главное ?

– Что главное? – спрашивает Бочкарева.

– Ну, раздеться надо, – требует голос оператора. —Думаешь, женихи что? За красивые глаза будут тебя выбирать?

Давай раздевайся по-быстрому!

– Совсем, что ли? —в сомнении спрашивает Бочкарева, начиная раздеваться.

– Конечно! – требует оператор. – Я же снимаю! Быстрей!

¹ Конфиденциально и лично, только для ваших глаз.

Бочкарева спешно раздевается, и за кадром раздаётся жеребячий хохот всей киногруппы.

— Дураки! – со слезами на глазах отвечает Бочкарева...

Писк мобильного телефона прерывает этот просмотр, невеста останавливает кассету, ее изображение застывает на экране, а она подбегает к своей сумочке, достает звенящую трубку.

– Алло!

И слышит ироничный мужской голос, который произносит по-русски:

– Привет, красавица! Ты уже все посмотрела?

– Что тебе нужно? – холодно спрашивает она.

– Нам нужно увидеться. Я жду тебя вечером в Париже, на Елисейских полях, в ресторане «Фукетс».

– Я не могу. Я занята.

– Если ты не приедешь, завтра твой жених получит ту же пленку.

– Ты мерзавец!

– Возможно. Но это не меняет наших планов. Восемь вечера, ресторан «Фукетс».

– Я тебя убью!

– Конечно, дорогая. Вечером на Шанз Элизе! – И в трубке звучат гудки отбоя.

Невеста в сердцах отбрасывает телефон, извлекает кассету из видека и восстанавливает связь с обеспокоенным женихом.

– Что там, мон амур? – говорит он с экрана «лэптопа». – Куда ты пропала?

– Милый, возникло небольшое дело. Мне нужно срочно слетать в Париж.

– Но мы же приглашены на новогодний прием к его высочеству! Мы не можем пропустить!..

– Я постараюсь вернуться к одиннадцати.

– Я люблю тебя...

Снимая свадебное платье, она улыбается в видеокамеру:

– Я тебя тоже люблю, мон шер!

Посылает ему воздушный поцелуй и тут же выключает компьютер.

Изображение жениха исчезает с экрана «лэптопа», невеста открывает стенной шкаф и, порывшись в нем, достает короткоствольный дамский пистолет, прячет его в сумочку...

А спустя двадцать минут в открытом «мерседесе» она уже мчится по Верхней дороге из Вильфранша в Ниццу, украшенную еще не убранной рождественской иллюминацией. Выходное платье делает ее неотразимой, а рядом с ней на пассажирском сиденье лежат ее норковая шубка и сумочка с пистолетом.

В аэропорту, на поле для частных самолетов, она останавливает машину у трапа небольшого реактивного самолета фирмы «Гольфстрим». Стюард в белой форме приветствует ее:

– Мадам, вы сегодня – нокаут!

– Спасибо. Это именно то, что мне нужно, – отвечает она и входит в салон.

Самолет разбегается и взлетает.

Сидя в салоне, она смотрит в иллюминатор.

Под ней – накренившись – стелется Ницца и полоска Лазурного берега, а затем самолет разворачивается над Средиземным морем и плывет на север...

«Господи, – думает она, – какая же я идиотка! Этого мерзавца, негодяя и подлеца я называла принцем и любила всю жизнь...»

Часть первая ДОЛГИЕ КРИКИ

1

Принц. Сначала он выглядел очень просто – кружочек вместо головы, точки вместо глаз и носа, палочки вместо ручек и ножек, но с обязательной подписью «ПРЫНЦ» кривыми детскими буквами. Затем, когда ей стукнуло девять или десять, подписи исчезли, а принцы стали натуральней, надели камзолы и шляпы. В двенадцать они оседлали боевых коней, в четырнадцать к ним добавились высокие красивые замки. В шестнадцать на стене печной завалинки, где Алена спала с младшей сестрой, не осталось свободного места, но, просыпаясь по утрам, она все равно дорисовывала и дорисовывала своих принцев – в просветах между старыми рисунками, над ними, в углах...

Кричал в курятнике петух, бляла во дворе коза, мычали, проходя за забором, коровы, плакал в горнице младший брат-сосунок, сползала с печи и шумно писала в ведро сеструха Настя, а Алена все рисовала на печной стене своего принца, все ладила карандашами его волшебный лик. Пока не доставал ее громкий окрик матери:

– Алена, ё-моё! Сколько ты будешь спать?! Вставай козу доить! Артемка проснулся!

Впрочем, нет, Алена, поглощенная своим принцем, и на этот крик не обращала внимания. Хотя одним глазом, боковым зрением, уже видела за окном своего отчима Федора – как он вороватой походкой шкодливого кота прямиком крадется в курятник. Но бесшумно открыть дверь курятника Федору не удалось – оттуда с криком вылетел петух, а за ним кудахтающие куры.

И тут же мать ринулась в доме к окну, высунулась наружу:

– Федор, стой! А что ты на праздник пить будешь?

Зная, что за этим последует, Алена включала плеер, надевала наушники и с французской Патрисией Каас улетала куда подальше – от Федора, который, добравшись до спрятанного в курятнике самогонного аппарата, наспех выпивал все, что там накопало за ночь, и от матери-хромоножки, которая с криком «Ах ты, алкаш гребаный!» набрасывалась там на него с тумаками...

Вздыхнув, Алена слезала с печи. Одиннадцатилетняя Настя, нависая над звучным цинковым ведром, что-то кричала ей, показывая рукой в угол комнаты, Алена снимала наушники, слышала рев Артемки, подходила к люльке и совала соску годовалому брату. Тот, доверчиво чмокая, тут же и замолкал. Алена снимала с себя ночную холщовую рубашку, чтоб переодеться в дневное, а Настя, вставая с ведра, подходила к ней и завистливо зырилась на ее грудь.

– Ален, а почему у меня не растут?

– Рано еще.

– А у Катки Свиридовой уже третий номер!

– Ладно врать!

– Ну, первый! А она меня младше! И по телику я видела – в Африке у десятилетних знаешь какие сиськи!

– То в Африке! Там климат другой...

– Ой! – ойкала Настя, глянув за окно. – Твой Виктор едет!

И бегом, в одной рубашке, выскакивала на крыльцо навстречу почтарю, который на велике катил к их домику от реки, от парома.

Остановившись подле их калитки, Виктор отстегивал от багажника свою тяжелую брезентовую сумку и вынимал из нее пачку писем, перетянутую резинкой.

А Настя уже нетерпеливо гарцевала по эту сторону калитки.

– Привет, Виктор!

– Привет, малявка, – отвечал Виктор.

– Сам ты малявка! – обижалась Настя. – Мне письма есть?

Тут Алена, одетая и в наушниках, ленивой павой выходила на крыльцо. Виктор столбенел от одного ее вида, шумно сглатывал кадыком неизвестно что и пялил глаза. Алена, зная свою власть над бедным парнем, белой лебедью плыла через двор и с усмешкой протягивала ручку за письмами.

– Это всё мне?

Виктор приходил в себя, обижался:

– А «здрасти» где?

– Приветик! – снисходила Алена, ногой катая пустую пивную бутылку, валявшуюся на земле.

– Все Францию слушаешь?

Алена промолчала, не удосужила.

– Та-ак... – Виктор напустил на себя значительный вид и снял резинку с пачки писем. – Кузьмины...

– Мы не Кузьмины! – возмутилась Настя. – Мы Бочкаревы!

– А отчим? – спросил Виктор.

– Отчим не в счет! – отмахнулась Настя. – Мы Бочкаревы!

– Та-ак... – Виктор, шурша конвертами, стал считать с них имя получателя и по одному вручать эти письма Алене и Насте. — Бочкаревой Алене, Бочкаревой Алене, Бочкаревой Алене... Бочкаревой Насте... Бочкаревой Алене, Бочкаревой Алене... Бочкаревой Насте, Бочкаревой Насте... Бочкаревой Алене... Бочкаревой Насте... Ну, вы даете, девки! Даже на Курилах достали пограничников!

– А тебе-то от кого письма? – удивилась Алена сестре.

– Тоже от солдат, – сообщил Виктор.

– А что я – тебя хуже? – фыркнула Настя.

Алена попыталась выхватить у сестры письма.

– Ты ж малолетка еще!

Но та спрятала свои письма за спину.

– А я вырасту, не бойсь! – И отбежала с ними в сторону, нетерпеливо вскрывая первый конверт.

– Значит, за солдата стремишься? – обиженно спросил у Алены Виктор. – И где вы только их адреса берете?

– В газете, – усмехнулась Алена.

Тут из курятника вышли мать с отчимом. Мать, пряча сытые масляные глаза, отряхивала с подола пух и перья, а Федор, хмельно покачиваясь, пошел к Виктору, распахнув руки и лучезарно улыбаясь.

– Витек! Керя ты мой! Гляди, какая у нас краля выросла! – И, обняв Алenu со спины, слапал ее за грудь.

Алена резко отстранилась:

– Руки!

– А я чё? – нагло ухмыльнулся Федор. – Я ему твою красоту показую! Вон у тебя какая красотища-то вызрела! – И двумя лапами поддел Алenu за ягодицы.

И тут Алена, не выдержав, подхватила с земли пустую бутылку «Балтики» и так ухнула ею Федора по затылку, что тот, оглушенно обхватив голову руками, кулем осел на землю.

– Боже мой! Федя! – хромая, набежала мать.
– Алена, ты чё? – испугался и Виктор.
– А он к ней все время под юбку лезет! – сказала Настя. – Я свидетель!
– Воды! Воды неси! – закричала ей мать. И Алене: – Ты его убила, сука!
– Сама ты сука! – отрезала Алена. – А будет лезть – и убью. – И на Федора, с трудом поднимающегося на колени: – Кобель гребаный...
Коза, забравшаяся на крышу сарая, громким блеянием подтвердила ее слова.

2

У входа в церковь стояли две старухи с плакатами «ПРЕКРАТИТЬ БОГОХУЛЬСТВО!» и «ВЕРНИТЕ НАМ ЦЕРКВУ!». Плакаты были самодельные – углем по обрывкам картона из-под коробок «Bananas from Congo».

Не обращая на пикетчиц никакого внимания, Алена – с наушниками от плеера в ушах – вошла в церковь.

Здесь, в зале, переделанном под сельский клуб и дискотеку, руководитель художественной самодеятельности Марксен Владиленич, еще при советской власти высланный из Москвы за гомосексуализм да так и прижившийся в Долгих Криках, сдавал концертную программу председателю местного сельсовета Георгию Жукову: на сцене, под магнитофон, сельские дети в пачках и балетных тапочках изображали «Вальс цветов» из «Щелкунчика» Чайковского.

А Жуков и Марксен Владиленич сидели на скамье перед сценой.

Алена прошла через зал, села рядом с Жуковым.

Но Жуков и не посмотрел на нее, наклонился к Марксену:

— Слышь, Марик...

«Марик», однако, берег свое достоинство.

– Я вам не Марик, а Марксен Владиленич.

— Ладно, Марксен, – согласился Жуков. – А нельзя это полюбовно решить? На церковные праздники – они в церкви, а на гражданские – самодеятельность?

– Ни в коем случае! – горячо вскинулся Марксен.

– Почему? Ты подумай...

– И думать нечего! – перебил Марксен. – Если тыпустишь их сюда с попом и кадилом, они отсюда еще тыщу лет не выйдут! – И семилетнему пацану на сцене: – Петя, не части!

– Но понимаешь, Марик, – сказал Жуков. – Ты знаешь разницу между селом и деревней?

– Нет. Какая разница?

– А-а! То-то! – назидательно ответил Жуков. – Вот у нас сейчас что? Деревня Долгие Крики, и нам из районного бюджета что дают? Копейки! А соседям в Черные Грязи что дают? Рубли! Потому что у них село, у села статус выше, понимаешь? А на самом-то деле село – это что такое? Та же деревня, только если в ней церковь имеется. Теперь понимаешь?

Тут Марксен вдруг порывисто вскочил на сцену и закричал танцующим детям:

– Стоп! Стоп! Замрите! – и хлопнул в ладоши.

Дети по его хлопку замерли в своих позах, как статуи.

Марксен обошел их, трогая каждого и даже толкая, чтоб пошевелить, но дети словно окаменели.

Проверив последнего, Марксен с гордостью повернулся к Жукову:

– Видишь? Они у меня не только танцуют! Они римскими статуями стоят! А хочешь – греческими будут стоять по пять часов не шелохнувшись! – И снова хлопнул в ладоши: – Отомрите! А теперь греческими богами – замрите! – И опять хлопок.

Дети по этому хлопку действительно сменили позы и застыли теперь на манер древнегреческих статуй богов и богинь.

– Понял? – сказал Марксен Жукову. – Но и это не все! Алена, коман сова?

– Сова бьен! – ответила Алена.

– Понял? – гордо спросил Марксен у Жукова.

– Ни хрена не понял! – сказал Жуков.

– И правильно! – согласился Марксен. – Потому что ты, я извиняюсь, человек необразованный! А они у меня и по-французски, и по-английски. Петька, отомри! Хау ар йю?

Восьмилетний Петька, выйдя из позы Геракла, светски наклонил голову:

– Вери гуд, сэр. Сэнк йю, сэр.

– А ну-ка прочти нам что-нибудь из Шекспира!

И Петька, не дрогнув, стал наизусть жарить монолог Гамлета «To be or not to be?».

– Стоп! – перебил его Марксен. – А теперь по-французски! Бодлера!

И Петька начал читать Бодлера, но, правда, сбился после второй строфы, и Алена стала суфлировать.

– Стоп! – остановил ее Марксен и торжествующе повернулся к Жукову: – Ну? Кто еще их этому научит? Поп с кадиллом? Я их культурными людьми делаю! Так что ты лучше подумай, куда ты свою деревню ведешь – в будущее, к интеграции в европейскую культуру или назад, к церковной схоластике? – И снова хлопнул в ладоши. – Все, дети! Отомрите! Переходим к «Танцу пастушков». Музыка!..

Жуков, почесав в затылке, озадаченно пошел к выходу из церкви. Но Алена заступила ему дорогу, улыбнулась:

– Дядя Жора, дай займы сорок шесть рублей.

– Не дам! – отрезал Жуков.

Алена, однако, верила в свои чары и улыбнулась еще ослепительней:

– Ну, дядь Жор! Пожалуйста!

– Не лыбься, – сказал Жуков. – Ослепну, а все равно не дам. Зачем тебе деньги?

– На билет. Я уехать хочу.

– Вот именно! Ты уедешь, а кто ж отдавать будет? Отстань! – И, отстранив Алену, Жуков вышел из церкви.

Но Алена не отставала, а шла следом, канюча:

– Ну, дядь Жора... Ну, дядь Жора...

Он наконец не выдержал, повернулся, смерил ее взглядом с ног до головы.

– Ладно, пошли ко мне.

Алена воспрянула духом:

– Зачем? За деньгами?

– Деньги за просто так не дают, – назидательно сказал Жуков. – Заработать надо.

– Дядь Жора, вы чё? – оторопела Алена. – Я ж девушка.

– Тьфу! Дура ты, а не девушка! Нужна ты мне?! – осерчал Жуков и показал вдаль, на свой приусадебный участок. – Вон грядки видишь? Прополешь – получишь сорок шесть рублёв.

– Да там же соток тридцать, дядь Жора!

— Тридцать две, — уточнил Жуков. – Полтора рубля за сотку.

– Жамэ дэ ля ви!

– Чего? – не понял Жуков.

– Да никогда в жизни! – оскорбленно перевела ему Алена с французского. – Ты б еще полторы копейки дал! – И, надев наушники, пошла прочь по деревенской улице.

Но и сквозь наушники слышала, как Жуков кричал ей в спину:

— А тут тебе не Франция, блин! Тут работать надо!

3

Днем неподалеку от причала парома, который был единственной связью Долгих Криков с остальным миром, Алена и Настя стирали в речке белье. Катая мокрую простыню по стиральной доске в ритме песни все той же Патрисии Каас, Алена и головой подергивала в такт музыке, и плечами, и бедрами. Но тут Настя дернула ее за кофту.

Алена сняла наушники и услышала крик:

– Алена! Алена!

Она повернулась.

Это на паром въезжал трактор с прицепом. В прицепе сидели и стояли местные парни и девчата, кричали и звали ее ехать с ними.

– Ладно, достигаешь, – сказала Алена сестре, вытирая руки о подол.

— Ну вот, так всегда! – проворчала Настя, но Алена уже побежала к парому.

Там, сидя на водительском месте, тракторист Алеха – уже под банкой, конечно, под водкой с димедролом – наяривал на гармошке и пел:

Как над нашим над селом
Аура зеленая.
Карма ехать в магазин
Покупать крепленое.

Когда паром достиг противоположного берега, Алексей повернулся к Алене:

– Плеер дашь послушать?

– А трактор дашь повести? – И Алена тут же нацепила ему на шею плеер на шнурке, столкнула с водительского места. – Все! Все! Мы договорились!

Он и не особенно сопротивлялся – в школе они все учились автоделу, и в деревне любой пацан мог водить хоть трактор, хоть грузовик. А страсть Алены к автовождению Леха уже не раз проверил – за «порулить» она могла ему потом и кое-что позволить. Не все, конечно, но все-таки...

Однако в этот день – после стычки с Федором и отказа Жукова – у Алены было иное настроение. Спустив на противоположном берегу трактор с парома, она вдруг до упора выжала педаль газа – так, что трактор сорвался с места, и в прицепе все попадали с ног. Но Алена, не обращая на это никакого внимания, все гнала и гнала трактор, выписывая им кренделя по полям и лугам. В прицепе всех болтало, они что-то кричали, размахивали руками, Леха пытался перехватить у Алены рычаги, но Алена, хохоча, пела что-то из репертуара Патрисии Каас и закладывала новый вираж, да такой, что Леху отшатывало в сторону и едва не сносило с трактора.

Наконец трактор выскочил на асфальтированную дорогу Новгород – Тверь – Москва и остановился у придорожного сельпо. Парни и девчата посыпались из прицепа.

– Леха, кому ты трактор дал?!

– Она ж чумная!

– Ей лечиться надо!

– Я чуть голову не сломала!..

Леха отдал Алене плеер и вытащил ключ из замка зажигания.

– Охолопись, психованная! Постереги машину...

Ругая Алену, парни и девчата, переждав проходивших коров, ушли в магазин, а Алена уселась под солнцем на бревно у дороги, вставила в уши наушники и в такт новой песне закачала головой, отлетая со своей любимой Каас в заоблачные выси и дали.

Там, в этих заоблачных высях, все было хорошо – там плыли облака, пышные, как взбитые сливки, там пели ангелы с крыльями, как у лебедей, а прямо перед Аленой вдруг остановился спортивный кабриолет с сияющими лаковыми крыльями, кожаными креслами и никелированной панелью приборов. За рулем этого роскошного космического авто сидел загорелый красавец в белоснежной рубашке со стоячим, как у киношных звезд, воротником. Повернувшись к Алене, он что-то сказал ей, но она не слышала его из-за музыки в наушниках.

Он помахал ей рукой.

Алена сняла наушники и спросила по-русски:

– Чё?

– Загораем, я говорю? – тоже по-русски произнес красавец.

– В каком смысле? – с медлительностью парашютирования на землю спросила Алена и огляделась вокруг. Оказалось, что заоблачный красавец четырьмя колесами своего немислимого авто действительно стоял на земле, причем буквально в двух шагах от свежих коровьих лепешек.

– Вот я и спрашиваю, – говорил он, – какой смысл девушке такой красоты так бездарно тратить время у деревенского сельпо? – И красавец выразительно посмотрел на воробья, усевшегося на коровью лепешку. А потом опять на Алену. – Ведь так и жизнь пройдет на фоне этого пейзажа, будто ее и не было. Правильно?

Алена, балдея от его неместной красоты, тупо молчала.

– Так, может, покатаемся? – предложил красавец.

– Куда?

– А куда угодно! Можем в Тверь, можем в Москву, можем в Париж, а можем и в Монте-Карло.

– Куда-куда?

— Монте-Карло, девушка, – это город на Лазурном берегу в княжестве Монако. Неплохое, скажу тебе, местечко: улицы выложены чистым мрамором, и живут там, между прочим, настоящие принцы и принцессы. Поехали?

И вдруг Алена, как загипнотизированная, стала подниматься, словно ее магнитом потянуло к этому красавцу.

Но именно в этот миг из магазина вышли парни и девчата с бутылками «Балтики» и банками «Джин энд тоник». И Леха, конечно, тут же попер на красавчика:

– Эй, козел, тебе чё надо? Алена, пошли!

А красавец, игнорируя его, насмешливо усмехнулся Алене:

– О! У вас, оказывается, свой транспорт. Оревуар, чудо мое!

И, сделав двумя пальцами прощальный жест, с места рванул свой кабриолет, со скоростью метеора полетел прочь по дороге.

Алена заворуженно смотрела ему вслед, а Леха, сев за рычаги трактора, хозяйски распорядился:

– Алена, ну долго тебя ждать? Залазь в прицеп!

Алена перевела взгляд с улетевшего кабриолета на Леху и своих земляков в прицепе и сказала в сердцах:

– Да пошли вы все! С прицепом!

Тут на старом грузовичке времен Второй мировой войны к сельпо подкатили черногрязские парни. Черные Грязи были ближайшими соседями Долгих Криков, и между парнями двух сел шла постоянная война. Алена даже не успела заметить, по какому поводу на этот раз началась драка, да повод и не был важен, драка при встрече черногрязских и долгокрикских возникала всегда – что с поводом, что без. Вот и на этот раз мордобой начался сразу, без предисловий и толковища – просто кто-то из черногрязских, проходя мимо долгокрикских, как бы случайно выбил у долгокрикской девахи банку джина с тоником и – пошло, поехало. Только

слышались мат, шмяканье кулаков и кастетов да голоса долгокрикских девчат, которые наблюдали за дракой из кузова прицепа, словно с трибуны:

– Колян, вмажь ему по яйцам, по яйцам!..

– Васька, берегись! Сзади!..

– Леха, башку прикрой!..

– Серый, вломи ему по рогам!..

– Вовик, токо не падай, не падай!..

– Эй, козлы черногрязские! Хватит! Хватит!.. – Ссыпавшись с прицепа, Алена и другие девчата заслонили собой побитых долгокрикских парней, отпихивая от них разгорячившихся черногрязских.

– Ну, все, все!.. Помахали, и будет!..

– Но-но! Не лапай, козел! А то я те сама счас врежу!..

В этот приятный момент на подводе подвалили черногрязские девчата и стали уводить своих парней, базаря при том с долгокрикскими девахами, поскольку черногрязские парни неохотно отставали от долгокрикских красавиц. В связи с чем снова чуть не возникла драка – уже женская, но черногрязские парни удержали своих девчат и уехали, оставив на поле боя побитых ими долгокрикских парней. Девчонки помогли своим богатырям завалиться в кузов. У Лехи рука была вывернута, и Алена села за рычаги, повела трактор назад.

На пароме девчата развели своих героев по оба борта и стали замывать им раны, говоря:

– Ну, ты ему влупил!..

– Здорово вы им врезали!..

– Суки они, с кастетами! Это нечестно...

Когда паром пристал к причалу в Долгих Криках, девчата вывели своих героев на берег. Навстречу им катил на паром почтальон Виктор.

Алена спрыгнула с трактора, подошла к Виктору и проникновенно заглянула ему в глаза.

– Витя, ты меня любишь?

Виктор покраснел, но не дрогнул.

– Люблю.

— Займи сорок шесть рублей.

Виктор развел руками:

– Откуда?

Алена, круто повернувшись, ушла.

– Алена! Если бы было, я б те всё отдал! – крикнул он вслед, но она лишь пренебрежительно повела плечом.

4

Ночью она лежала на печи и через окно смотрела на луну и на россыпь звезд над Долгими Криками.

Звенели цикады, с близкого лесного озера ухал филин, а где-то вдали, в глубине леса были волки. На луну, наверно.

Рядом с Аленой, свернувшись калачиком, спала Настя и во сне одной рукой прикрывала несуществующую грудь, а другой отбивалась от кого-то.

Потом из темноты спящего дома до Алены доносятся шум какой-то возни, скрип кровати и сдавленные голоса матери и Федора.

– Не надо, Федя, Алена не спит.

– Да спит она. Давай!

– Ну тебя! Не хочу. Ты опять нажрался.

– Давай, сука!

– Нет. Отстань.

– Счас к Алене пойду! – пригрозил Федор, и тут же послышался звонкий удар оплеухи, которую отвесила ему мать.

И голос Федора:

– Ах ты, кур...

И – еще удар, но уже глухой, кулаком, и тут же – вскрик матери, грохот упавших с кровати тел, матерщина, шум драки и плач проснувшегося Артемки.

Алена, спрыгнув с печи, схватила валявшийся у стены топор и бросилась в комнату матери.

Там в темноте пьяный Федор бил ногами мать, лежавшую на полу, и орал:

– Ах ты, курва кривая! На кого руку поднимаешь? Я тебе и вторую ногу укорочу, сука гребаная!

Алена, не раздумывая, занесла топор под потолок.

– Не-е-ет!!! – вдруг закричала мать и, перекатившись по полу, ударилась в ноги Алены. – Нет, Алена!

Федор, повернувшись, увидел и топор над своей головой, и глаза Алены, которые были посильней топора.

– Вон отсюда! – негромко сказала ему Алена.

Федор не вынес ее взгляда, опустил глаза.

– Да я вас тут всех... в три креста! – буркнул он и ушел, шибанув наружной дверью.

Алена помогла матери подняться с пола.

Со двора донеслось кудахтанье переполошенных кур. Это Федор пошел в курятник – знамо зачем.

– Все, мама, – сказала Алена. – Или я, или он.

— А что у тебя с ним? – ревниво и словно бы вскользь спросила мать.

Алена долгим взглядом посмотрела на мать, но та отвела глаза и сказала:

– Ехала бы ты от греха. Поступать куда, что ли...

– Дай на билет, – ответила Алена.

Мать, как и Виктор днем, бессильно развела руками:

– Откуда?

5

Назавтра она полола Жукову грядки под музыку своего плейера и песню Патрисии Каас. Въедливая пыль засоряла глаза.

Тяпка мозолила руки.

Нагибаться да выдергивать сорняки с корнем – от этих (даже под музыку) поклонов спина надламывалась так, что не разогнешь.

А солнце палило, и капли пота катились по лбу.

Мимо катил на велике Виктор. Остановился и спросил изумленно:

– Эй, Алена! Ты чё делаешь?

Алена, разгибаясь, сняла наушники.

– Я говорю: ты чё делаешь? – повторил Виктор.

– Чем спрашивать, помог бы.

– Мне почту надо развозить, – пожаловался Виктор.

– Ну и катись тогда...

Виктор подумал, потом положил свой велик у дороги и пошел помогать Алене.

Спустя какое-то время мимо катили на тракторе с прицепом все те же местные девчата и парни. И весело заорали наперебой:

– Алена, вы чего – в крепостные подались? На Жукова пашете?
А Леха-тракторист загорланил:

Я работала в колхозе —
Загубила жизнь в навозе!
Вот такая дребедень,
Зашибись, мой трудовень!

Но Алена презрительно заткнула уши наушниками.

6

Все ее имущество поместилось в пластиковый пакет с надписью «Наш дом – Россия!». Провожать ее собралась у пароме вся семья – мать, отчим, Настя, грудной братик и даже коза.

– Пиши! Пиши обязательно, ладно? – с лживой нежностью просила мать.

– А мне плеер в городе купи, – сказала Настя.

– И правда, купи ей, – подхватила мать. – Она меня уже допекла с этим плеером. А мне знаешь чего купи? Прокладки и... – И мать зашептала Алене на ухо про какие-то обезболивающие импортные таблетки при месячных.

— Купи, купи им! – сказал и Федор. – Семью не забывай.

Почтальон Виктор, стоя на пароме и держа канат, позвал:

– Ну, Алена. Поехали!

Алена вдруг отдала Насте свой плеер – «Держи!» – и запрыгнула на паром. Виктор тросом потянул этот паром к другому берегу.

Там Алена села на раму его велосипеда, и Виктор, нажимая на педали, покатил вдоль берега все дальше и дальше от деревни Долгие Крики.

Мать, отчим и Настя махали ей вслед руками.

Вскоре Алена уже стояла на палубе большого волжского парохода. Проходя под огромным мостом, этот пароход вплывал в Тверь...

7

Так Алена впервые в жизни оказалась в городе с высокими пятиэтажными домами, с потоками пешеходов на тротуарах и даже с автобусами, которые катят по мостовым. Шагая по тверским улицам, она во все глаза разглядывала витрины магазинов, ларьки с заморскими фруктами, удивительные машины – «мерседесы» и джипы, сияющие лаковыми боками, и вывески неизвестных ей фитнес-клубов. Что это за фитнес такой, гадала она, фрукт, что ли?

Тут она увидела вожаденное с детства мороженое. И уже шагнула было за ним в кафе, но вовремя пересчитала свои деньги и поняла, что на мороженое у нее не хватает. Утерши ладонью пересохшие губы, она собралась двинуться дальше, когда заметила на двери кафе трепыхавшийся под ветром листок с объявлением:

**ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ДЕВУШКИ
ПРИГЛАШАЮТСЯ НА КОНКУРС КРАСАВИЦ,
ТОЛЬКО ДЛЯ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ!
ТАВЕРНА-КЛУБ «МОНТЕ-КАРЛО»**

Сразу за словами «Монте-Карло» была нарисована стрелочка, которая указывала на соседнюю дверь, украшенную вывеской «Таверна-клуб “Монте-Карло”» и неоновой Мэрилин Монро в юбке, взлетающей парашютом.

Сам же клуб располагался в подвале бывшего бомбоубежища – сразу за лестницей было помещение с железными дверьми, зелеными трубами теплового коллектора и стенами, покрашенными в черный цвет и разрисованными парусами и нагими красавицами.

У этой железной двери Алену и встретила администраторша:

– Ты на конкурс?

— Да.

Кивком головы администраторша приказала следовать за ней и провела Алену в узкую проходную комнату перед туалетом. Здесь на стене висело длинное зеркало, перед ним прихорашивались юные местные красавицы, а где-то за стеной гремела музыка.

– Готовься, – сказала Алене администраторша. – Ты шестая. Как фамилия?

– Бочкарева.

– Как на пиве, что ли?

Алена не успела ответить – в комнату влетела разгоряченная брюнетка не старше пятнадцати лет.

– Ну? Как там? – спросила у нее одна из сидевших у зеркала.

– Ой, клево! – возбужденно откликнулась брюнетка. – Мне сказали, что я лучше всех! А я, между прочим, и не знала, что это конкурс стриптиза!

Алена удивленно повернулась к администраторше:

– Так это стриптиз?

Кто-то из девушек фыркнул, кто-то посмотрел на нее с насмешкой.

– А стриптиз – это что? – сказала администраторша. – Сифилис, что ли? Это эстрадное искусство и ничего больше! – И, взяв Алену за руку, повела ее куда-то в глубину клуба-бомбоубежища.

Тут из динамиков грянула мелодия «На пароходе музыка играет, а я одна стою на берегу», администраторша сказала: «Пошла! Смелей!» – и вытолкнула Алену на сцену.

Алена, ослепленная мощным прожектором, плохо видела сидевшее перед сценой жюри. Но, пританцовывая, запела, чтобы произвести на жюри впечатление:

На пароходе музыка играет,
А я одна стою на берегу.
Машу рукой, а сердце замирает,
И ничего поделать не могу...

Жюри – четверо крутых парней, хозяев «Монте-Карло», которые, развалясь в креслах, сидели перед сценой, – удивленно уставилось на нее.

А Алена как ни в чем не бывало продолжала свой эстрадный номер:

Вот опять теплоход
Замедляет свой ход,
То ли мель, то ли лед...

– Раздевайся, раздевайся!.. – зашипела ей из-за кулис администраторша.

Алена стала раздеваться, не прекращая петь и танцевать, – скинула туфли... кокетливо сняла с шеи платочек... потом сбросила кофточку... юбку... (Не надо объяснять, какое на ней было белье.) И так, отплясывая, довела свой номер до конца, а напоследок помахала юбкой над головой, словно косынкой вслед уходящему пароходу.

Жюри расхохоталось, но Костя – менеджер и один из хозяев клуба – сказал им:

— А чего? Смешная девчонка! – И Алене, которая уже убежала со сцены: – Постой! Мы тебя берем. Только больше не пой.

– А что я буду делать? – спросила Алена.
– То же самое – танцевать.
– За деньги?
– Конечно.
– А за сколько?
– Десять баксов. Триста рублей. Устроит?
– За месяц?
– За один вечер, дуреха!
– Только предупреждаю, – тут же сказала Алена, – я девушка. Танцевать буду, но ничего кроме.

8

Ровно в девять вечера из настенных часов клуба «Монте-Карло» выскакивала кукушка, а потом начинался «стрип-парад» – на сцену под музыку выходила сначала одна танцовка, за ней вторая, третья, пятая, и наконец все пятнадцать стриптизерш, стоя на подиуме, синхронно танцевали и раздевались. Алена была в их числе. И оказалось, что делать это в компании с другими девчонками куда проще, чем в одиночку...

Под утро, когда на настенных часах кукушка куковала пять раз, клуб закрывался, и Алена устало уходила спать в общежитие – в дальнюю комнату бомбоубежища, где стояло восемь двухэтажных коек.

Койка Алены была у бетонной стены. И как бы она ни уставала, Алена карандашом для ресниц делала перед сном несколько штрихов на этой стене, рисуя себе очередного принца – теперь уже не на боевом коне, а в открытом спортивном автомобиле. Только после этого засыпала...

А днем, в перерыве между репетициями, девушки постоянно занимались марафетом. Двухметроворостая татарка Зарема накручивала волосы на бигуди, Полина делала себе педикюр, Вика – мелирование, Шура рисовала узоры на ногтях, и при этом все, конечно, трепались и рассматривали «Вог», «Элит», «Плейбой» и другие модные журналы, которые Алена в своих Долгих Криках и в глаза не видела. Но виду не показывала, конечно, а, наоборот, старалась продемонстрировать свою «не лыком шитость».

Как-то во время такого общего трепа Зарема заметила, что раньше, когда она работала в «Гаване», там «было ужасно, а тут, в „Монте-Карло“, жить можно». Желая поучаствовать в общем разговоре, Алена встряла, сказала:

— Ха! Думаете, эта дыра и есть Монте-Карло? Монте-Карло это знаете что?
– Ну расскажи! – насмешливо глянула на нее Зарема.
– Это... это такое место... – не замечая подначки, мечтательно произнесла Алена, – там улицы выложены белым мрамором! Там живут настоящие принцы и принцессы!..

Но никто не поддержал эту тему.

— Курникова опять на обложке, надо же! – завистливо произнесла Полина, разглядывая журнал.

– А Анисимова уже три раза в «Элит»! – заметила ей Вика.
– Да, – мечтательно произнесла Зарема, – хотела бы я в Париже побывать!..
– И в «Элит» на обложке, – иронично поддела ее Шура.
– А я буду! – вдруг вырвалось у Алены, уязвленной тем, что все проигнорировали ее сведения о Монте-Карло.
– Где ты будешь? – спросила Шура.
– А везде! – ответила Алена. – И в Париже, и в Монте-Карло, и даже в «Элит»!
– Будешь, будешь, деревня! Особенно в «Элит»! – презрительно усмехнулась Зарема.

— Ага, я деревня! – вспыхнула Алена. – Только я в деревне такому выучилась, чего никто из вас, городских, не может!

– Это чему же?

– А я могу, как статуя, застыть и хоть час не двигаться!

– Да ладно врать!

– А на что поспорим?

– А на что хочешь!

– Отвечаешь за слова?

– Отвечаю! – завелась и Зарема.

– И на сто баксов отвечаешь?

– Но и ты отвечаешь! – сказала Зарема. – Если двадцать минут не простоишь статуей, отдаешь сто баксов!

Алена вышла на сцену, показала на часы с кукушкой. Было без двадцати два.

– Только тихо! – приказала Алена всем, и так притихшим от любопытства. – Полина, хлопни в ладошки, это будет начало.

И изготовилась – стала в позу дискоболки.

Полина хлопнула ладонями, и Алена замерла.

Танцорки подошли к ней – сначала с недоверчиво-скептическими улыбочками, а потом с изумлением.

Алена стояла совершенно неподвижно, не моргая, не шевеля ни бровью, ни ресницами.

Кто-то дотронулся до нее, хотел пощекотать...

Кто-то помахал руками перед ее глазами...

Глядя прямо перед собой, Алена не шевелилась, не моргала и не дышала.

Зарема смотрела на часы с кукушкой.

Стрелка шла...

Девушки стали трогать Алену, звать ее, кричать ей в уши:

– Эй, деревня, проснись!

– Классно стоишь!

– Эй, у тебя что, паралич?

Алена стояла не шевелясь, не моргая и даже не слыша их...

Менеджер Костя, войдя в зал, остановился в двери.

Зарема с беспокойством смотрела, как стрелка приближается к двум часам.

Ровно в два выскочила кукушка и крикнула свое «Ку-ку!».

Полина зааплодировала Алене, за ней стали аплодировать и остальные.

Алена от этих хлопков пришла в себя, вышла из транса, заулыбалась.

Девушки захлопали ей еще громче.

Алена подошла к двухметроворостой Зареме и протянула руку:

– Гони бабки!

– Да пошла ты! – презрительно ответила Зарема, вставая над Аленой во весь свой рост, как Голиаф над Давидом.

На что Алена с криком «Ах так?» подпрыгнула и вцепилась Зареме в волосы.

Но тут подскочил Костя:

– Девки, девки! Отставить! – и, оттащив Алену в сторону, спросил у нее: — А ты в любой позе можешь так стоять?

– Ну! – подтвердила Алена.

— Не «ну», а можешь или нет?

— Ну, могу!

– И долго?

– А хоть час!

– Не врешь? – усомнился Костя. – А как ты это делаешь?

– Меня учили, есть система.

– А сотку баксов за вечер хочешь делать?

— Смотря чем.

— Стань на четвереньки!

Алена уставилась на него подозрительно.

– Стань, стань! – сказал Костя. – Не надломишься!

Алена нехотя стала на четвереньки.

– Так, неплохо... – сказал он. – Только чтоб спина ровной была, горизонтальной!

Алена выпрямила спину.

Сняв с журнального столика стекло, Костя положил его на спину Алене и, любуясь своей выдумкой, отошел, как художник перед полотном.

– Класс!

9

Через неделю в клубе загредел туш, и Костя в смокинге и при бабочке вышел на сцену перед закрытым занавесом.

– Дамы и господа! Внимание! Клуб «Монте-Карло» приготовил вам сюрприз! Такого вы еще не видели! Необыкновенное зрелище! Фантастический трюк с шампанским и фруктами! Занавес!

Занавес взлетел, открыв зрителям сцену. На сцене, на круглом подиуме с колесиками, Алена, полностью обнаженная, стояла на четвереньках, держа на спине овальное стекло и изображая собой скульптуру-«столик».

– Дамы и господа! – Взмахом руки Костя подавил смех в зале и продолжил с серьезной миной на лице: – Приглашаем вас в мебельный салон нашего клуба! Экспонат номер один! Античный греческий столик. Такие столики служили украшением интерьеров в Древней Греции. Да и сегодня такой предмет может украсить любую гостиную нового русского бизнесмена...

Тут – под смех зала – Костя крутанул столик, демонстрируя посетителям казино все его прелести. И продолжил тоном экскурсовода на выставке мебели:

– Несколько слов об использовании этого столика в быту. На него можно ставить шампанское...

Конечно, на сцену немедленно вышла полуобнаженная стриптизерка и поставила на Алёну-«столик» бутылку шампанского и бокалы.

– А можно, – сказал Костя, – положить фрукты...

Еще одна полуголая стриптизерка, выбежав на сцену, поставила на «столик» большую вазу с фруктами.

– Возле него, – сказал Костя, – удобно смотреть телевизор... – Он сел в кресло и положил ноги на «столик». – А теперь – следующий предмет! Прошу барабанную дробь!

Под барабанную дробь занавес упал, и Костя, выйдя перед занавесом на авансцену, объявил:

– В нашем антикварном магазине вы можете приобрести самые редкие вещи. Например, мавританскую статуэтку под названием «Женщина в позе подношения». Прошу!

Взлетел занавес, открыв сцену, на которой обнаженная Алена стояла мавританской статуэткой с подносом на ладонях.

Зрители заплодировали.

Алена стояла не шелохнувшись.

– Но и это не все! – сказал Костя. – Дамы и господа! Сегодня вы имеете редчайшую возможность приобрести действительно бесценные античные произведения искусства...

Он хлопнул в ладоши, занавес упал и тут же взлетел, а на сцене Алена уже стояла в позе Афродиты.

– Новое «Рождение Афродиты»! – победно объявил Костя. – Вы думаете, она живая? Ничего подобного! – Костя хлопнул в ладоши перед глазами Алены, но Алена и не моргнула. – Видите? Это чистейший мрамор со дна Эгейского моря! – Он стал гладить Алену по плечам, по груди. – Обратите внимание на белоснежные формы, созданные неизвестным скульптором древности...

Публика ревела от восторга.

Алена стояла в позе лотоса, Статуи Свободы, русалки и еще бог знает кого.

Костя, развивая успех, сочинял на ходу:

– Наш салон открыт с девяти вечера до пяти утра семь дней в неделю! Приходите семьями, приводите друзей, делайте индивидуальные заказы на девушку-«столик» или любую скульптуру по вашему выбору!

Алена, «ожив», кланялась и принимала аплодисменты.

А через несколько дней, сидя на почте, писала домой в письме:

«Дорогие мои! Пишет вам ваша дочь и сестра Алена. Я нашла свою дорогу в жизни. Теперь я так зарабатываю, что уже купила себе новый плеер, а маме прокладки...»

И действительно, трюк Алены стал пользоваться популярностью. Ей аплодировали и заезжие знаменитости, и местные крутые, и сотрудники районной администрации. Она стала настоящей звездой клуба, у нее завелись деньги, и она уже позволяла себе погулять днем по магазинам, потратиться на красивое белье, косметику, бижутерию...

Во время одной из таких прогулок она наткнулась на небольшую очередь девушек, стоявших у дверей «Бракопосредническое бюро “Женихи из Европы”». Там она и записала свое звуковое видеописьмо: *«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГОЙ НЕЗНАКОМЫЙ ЖЕНИХ! ПОСЫЛАЮ ВАМ ЭТО ВИДЕОПИСЬМО, ЧТОБЫ ВЫ ВИДЕЛИ, КАКАЯ Я ЕСТЬ»*. Но это был так, мелкий и проходной эпизод ее тверской жизни, а обычно, отработав свой номер в клубе «Монте-Карло», она возвращалась в пустое общежитие в дальней комнате бомбоубежища и, слушая по новому плееру все ту же Патрисию Каас, продолжала рисовать на стене своего принца, который так стремительно укатил от нее в Долгих Криках на своем роскошном кабриолете...

Однажды на рассвете в это общежитие забежала Зарема.

– Слушай, «звезда»! – сказала она Алене. – Хватит дурью маяться! Там на тебя такой жених запал – ну просто завал! Денег немерено! Хочешь заработать?

Алена вынула из ушей наушники.

– Что?

– «Что, что»! – передразнила Зарема. – Мужика я тебе нашла. Хочешь заработать?

– Я же сто раз говорила: я девушка.

– Дура ты, а не девушка! – психанула Зарема от перспективы потери комиссионных.

— Ну и пусть! – согласилась Алена. – Лучше я буду всю жизнь столиком стоять, чем это.

И все шло хорошо, и клуб продолжал процветать, пока не произошел один случай. Как-то приехали из столицы крутые парни, заказали в кабинет «мавританку», то есть Алену в позе мавританки на коленях с подносом в руках и коньяком на этом подносе. Оказалось, что они назначили в этом кабинете «стрелку» местным товарищам. Те пришли, и сначала у них шло цивилизованное толковище.

– За что будет базар? – спросили местные.

– За Долгие Крики, – сказали столичные.

Алена, недвижимо стоя на коленях с подносом в руках, насторожилась.

– А какие у вас претензии? – цивилизованно спросили местные.

— А такие, – отвечали столичные. – Мы три года пробивали разрешение строить гольф-клуб в этой экологически чистой зоне. Столько бабок вложили! Проект утвердили! По проекту – деревню сносим, засаживаем все канадской травой, делаем вертолетную площадку. К нам весь дипкорпус уже записался и половина начальства из Завидова. Гольф теперь – самый шик!

– А с чего вы взяли, что Долгие Крики ваши? – спросили местные. – Это мы Долгие Крики сносим. Вот бумага. У нас землеотвод, уже подписанный под строительство коттеджей.

Стоя неподвижной «мавританкой» между двумя спорящими сторонами, Алена с ужасом вслушивалась в этот спор о судьбе ее родных Долгих Криков.

— Да кто вы такие? – горячились столичные. – Вы понимаете, что мы на федеральном уровне?

– А мы на областном, – ухмылялись местные. – Вы что, не знаете, что теперь вся власть в регионах?

– Но у нас постановление!

– А у нас землеотвод! Это мы проббили решение деревню снести, жителей отселить!..

– Ну, козлы! – хрипло вырвалось у Алены, про которую все в пылу спора давно забыли.

– Что?! – оскорбились местные, глядя на столичных и хватаясь за пистолеты. – Кто козлы? Мы козлы?

При виде оружия главарь столичных тут же выхватил свою пушку, и они стали палить друг в друга.

Алена, стоя «мавританкой», зажмурилась от страха глаза. Прямо перед ней гремели выстрелы, сыпалась штукатурка со стен, кричали раненые, чья-то кровь брызнула ей в лицо, а под потолком вдребезги разлетелась люстра, засыпав комнату осколками хрусталя...

Алена, оцепенев, продолжала стоять статуей, в ужасе вращая глазами. И только когда пальба прекратилась, в кабинет ворвались brave охранники с криками:

– Хватит! Все! Постреляли и будет! Счас «скорая» приедет! А кто живые – валите, пока менты не замели.

Оставшиеся в живых бандиты тут же сбежали, а появившиеся санитары «скорой помощи» стали выносить убитых и раненых.

– Стойте! – остановил Костя врача. – А девку? Девку сначала!

– Какую еще девку? – спросил врач.

— Да вот эту, статую!

Санитары уставились на Алену, по-прежнему стоявшую статуей голой «мавританки». Глаза у «мавританки» были неподвижны.

– А она что? Живая? – изумился врач.

– Была живая. А сейчас не знаю... – Костя стал тормозить Алену: – Алена, вставай! Все уже...

Но Алена не шевелилась.

Врач подошел к ней, ударил по щекам. Алена не двигалась. Он пощупал ей пульс, потом щелкнул зажигалкой и осветил в зрачок.

– Она жива, но в шоке, в ступоре, – поставил он диагноз и поднес к носу Алены нашатырь.

А когда и это не помогло, он сделал ей укол и насильно влил в рот коньяк из бутылки, да такую дозу, что Алена тут же пришла в себя, дико повела глазами из стороны в сторону и затрясла головой – ее стал бить озноб.

Костя притащил скатерть из клубного ресторана, укрыл ее.

– Послушай, – сказал он. – Я к тебе хорошо отношусь, ты знаешь. Но сейчас ты должна исчезнуть. Просто исчезни и все.

Алена захлопала глазами и произнесла сквозь стучащие зубы:

— К-как «исчезни»? А г-где мне ж-жить?

– А ты знаешь, чей базар ты слышала? Пойми: им свидетели не нужны. Так что лучше сама исчезни по-быстрому, иначе завтра исчезнешь навсегда. Поняла?

Пошатаваясь, Алена пошла в комнату-общезитие собирать свои вещи. И обнаружила, что под матрасом нет ее потайного узелка, в который она прятала свою бижутерию и заработанные деньги. Хлопая глазами, Алена обвела взглядом своих соседок, но те индифферентно отвернулись, а с улицы уже послышался вой милицейской сирены, и Костя вбежал в комнату:

— Алена, скорее! Менты! Если к ним попадешь, тебя братки достанут! Бегом!

Алена – в одном платье, с сумкой под мышкой – в ужасе выскочила из клуба через черный ход – в ночь, в проливной дождь и пронизывающий ветер.

На улицу, из парадных дверей клуба, освещенных неоновой рекламой с силуэтом танцующей Мэрилин Монро, санитары выносили носилки с пострадавшими в перестрелке, а из-за угла, завывая сиренами, сюда летели милицейские машины с включенными мигалками.

Костя подтолкнул Алену в спину:

– Пошла! Бегом! Спасайся!

И вот она бежит – проходными дворами, по лужам, сквозь дождь, прячась от лучей «скорой помощи» и фар летящей на нее милицейской машины, – бежит все дальше и дальше от «Монте-Карло»... Вот выскакивает на трассу Москва – Петербург, проходящую через центр города, и отчаянно голосует летящим по шоссе машинам... Но и грузовые фургоны, и легковушки проносятся мимо, обдавая ее валами воды из луж...

Услышав новый вой милицейской сирены, Алена в панике перебегает на противоположную сторону улицы и, размахивая руками, преграждает дорогу машине, летящей с другой стороны.

Машина притормозила, и Алена, распахнув дверцу, плюхнулась на переднее сиденье.

Водитель – худощавый сорокалетний брюнет – в сомнении осмотрел ее обвисшие мокрые волосы, размазанную по лицу косметику и насквозь промокшее платье.

В этот момент к их машине с воем сирены приблизились милицейские мигалки.

Брюнет перевел взгляд с Алены, которую била дрожь, на эти мигалки, снова посмотрел на Алену, усмехнулся и нажал на газ.

Машина покатила сквозь дождь.

В стороне, поодаль была видна суета милиции у «Монте-Карло»: там, помимо милицейских машин, стоял теперь «черный воронок», и милиционеры при свете своих мигалок сажали в него всех работников клуба.

Алена в ужасе вжалась в сиденье.

Брюнет увеличил скорость и миновал опасное место.

Алена перевела дух.

– Тебе куда? – спросил брюнет.

— Т-туда... – Алена неопределенно показала вперед, ей было все равно.

– Лично я еду в Питер, – сообщил брюнет.

– Я т-тоже, – продолжала дрожать Алена. – Только у м-меня нет д-денег...

Брюнет посмотрел на воду, стекавшую с туфель Алены на коврик его дорогой машины, но промолчал.

– А вы м-можете п-печку т-теплее в-включить?

Брюнет включил обогреватель на полную мощность и направил поток воздуха на Алену.

Алена вся подалась к теплу, стала сушить волосы.

Брюнет вел машину, искоса поглядывая на нее.

– Ну, рассказывай! – сказал он вдруг.

– Что? – испугалась она.

Он усмехнулся:

– Все, и только честно.

Алена стала лихорадочно думать, что бы соврать, но тут в кармане у брюнета зазвенел телефон, и брюнет достал из кармана свой мобильник.

– Аллю! Я? Я еду в Питер, только что Тверь проскочил... А когда нужно?.. На счетчик?.. И где он теперь?.. Я понимаю, что срочно, но раньше чем к утру я не приеду...

Алена между тем стала приводить себя в порядок: достав из сумки косметичку, откинула щиток с зеркальцем, причесала свои почти высохшие волосы, подкрасила карандашом глаза...

А брюнет продолжал телефонный разговор:

– А визы и паспорта когда?.. А прикрытие будет? Нет? Это нехорошо... Так, ну и сколько мне?.. Ладно, договорились.

Брюнет дал отбой, повернулся к Алене и обнаружил, что за это время она из мокрой курицы превратилась в симпатичное юное существо.

— Однако! – заметил он удивленно, но тут же перешел на деловой тон: – Значит, так. Я возвращаюсь в Москву. – И притормозил перед разворотом на шоссе. – Выходишь?

– А можно я с вами?

Брюнет пожал плечами и, разворачивая машину, замурлыкал себе под нос песню Макаревича «Вот новый поворот, что он нам несет – пропасть или брод?».

Когда они проезжали Тверь, Алена снова вжалась в сиденье, но оказалось, что там, у «Монте-Карло», все уже было закончено – санитары уехали, милиция исчезла, и только неоновая Мэрилин Монро сиротливо мокла над дверью под дождем.

– Слушай, – сказал вдруг брюнет Алене, – а ты была за границей?

– Не-а... – призналась она.

– А хочешь прокатиться?

Алена вспомнила принца, который тоже предлагал прокатиться, и усмехнулась:

– В Монте-Карло?

Брюнет удивился:

– Ну, в общем, в ту сторону... Как, ты сказала, тебя зовут?

Алена посмотрела на него и сказала:

– Только предупреждаю: я девушка.

10

Рассветная Москва – солнечная и без всякого дождя – стремительно летела навстречу машине под лихую мелодию «Русского радио».

Брюнет и Алена сидели в «БМВ», машина катила по Ленинградскому проспекту, затем по Тверской.

Алена вертела головой из стороны в сторону, восхищаясь Москвой.

В экспресс-фото возле Белорусского вокзала брюнет сделал несколько ее паспортных фото. Затем, лихо свернув с Тверской в одну из боковых улиц, заехал во двор многоэтажного офисного здания и остановил машину перед полуподвальной дверью с вывеской:

ФОНД ПОДДЕРЖКИ ВОЗДУШНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ В ЗАЩИТУ МИРА И ПРОГРЕССА

Вытащив ключ из замка зажигания и оставив Алenu в машине, он вышел из авто и нырнул в дверь фонда.

Поскольку радио в машине замолчало, Алена достала из сумки свой плеер, надела наушники и снова взлетела с Патрисией Каас...

Между тем брюнет, войдя в подвал Фонда поддержки воздушных путешествий, прошел, кивнув охранникам, в глубину коридора, открыл какую-то дверь и оказался в зале профессионально оборудованного тира.

Здесь, в просторном бункере с выкрашенными в черное стенами и с кабинами для стрелков, оборудованными компьютерными экранами, регистрирующими попадания в цель, тренировался сам председатель фонда – молодежавый крепыш с ранней залысиной. Стоя в стрелковой кабине, он расстрелял мишень в противоположном конце тира и, когда она упала, снял с головы наушники, протянул брютету свой писто– лет.

– Хочешь попробовать?

Брюнет взял пистолет и тут же, не дожидаясь, пока завтиром установит новую мишень, повернулся к цветным плакатам с портретами Клаудии Шиффер и Шэрон Стоун, висевшим на боковых стенах тира. Подняв пистолет, он навскидку положил все пули в глаза и переносицу Клаудии Шиффер.

Председатель фонда усмехнулся:

– И не жалко в такую красотку стрелять?

— Как видишь, – ответил брюнет. – Стальное сердце бьется ровно, в руке не дрогнул пистолет.

В тир вошла секретарь председателя – деловая стильная женщина в роговых очках.

– Паспорта готовы, – доложила она и передала председателю новенькие паспорта.

Тот полистал их, проверяя, и сказал брютету:

– Фотки.

Брюнет передал ему свои и Аленины паспортные фотографии. Брюнет глянул на них, спросил:

— А что это за телку ты берешь с собой?

— Для прикрытия, – ответил брюнет.

– Как ее фамилия? – поинтересовалась секретарь председателя.

Брюнет пожал плечами.

– Но мы должны в паспорт вписать, – сказала секретарь.

– Она в машине сидит, пойди сама узнай. – И председатель передал ей паспорта и фотографии, а брютета кивком головы пригласил следовать за собой.

Вдвоем они вошли в потайную, за тиром, комнату. Здесь председатель открыл сейф, спрятанный за вращающимся шкафом со стрелковым оружием. В сейфе лежали стопки стандартных банковских пачек столларовых купюр. Доставая деньги и выкладывая их на стол, председатель спросил:

– Куда положишь?

— А сумки никакой нет? – поинтересовался брюнет. – Женской желательно.

Председатель поднес к губам «уоки-токи»:

– Жанна, принеси свою дорожную сумку. – И, достав из сейфа пистолет, спросил у брютета: – Пушку возьмешь? «Глок»!

Считая пачки с деньгами, брюнет отмахнулся:

— Обойдусь.

Вошла секретарь, молча положила на стол дорожную женскую сумку и вышла.

– Пойдет? – спросил председатель.

Брюнет кивнул и стал складывать в эту сумку деньги, продолжая вполголоса считать пачки:

– Двадцать три... двадцать четыре... двадцать пять...

– Значит, так, повторяю, – сказал председатель. – Ты должен быть в Марбелье, в Пуэрто-Пескуэро, до пятого числа. Яхта называется «Санта Агата». Эти звери посадили его в трюм и поставили на счетчик: пятого денег нет – отрезают одно ухо, шестого нет – режут второе, седьмого денег нет – отрезают голову. Волки позорные!.. Он, конечно, тоже не прав – королевский дворец в Марокко грабанул с арабскими братками, а потом кинул их не по понятиям, увел их долю. Но и они не правы! Чтобы уши резать! Нет, обшак своих не бросает...

Брюнет уложил в сумку последние пачки.

– Тут восемь сотен, – сухо сообщил он.

Председатель бросил на стол еще пять пачек.

– Вот, это твой полтинник. Ну, ни пуха?

Через несколько минут, помахивая сумкой, брюнет вышел из подвала фонда и подошел к своей машине со стороны Алениной дверцы.

– Эй, красотка! – сказал он ей. – Видишь эту сумку? Если по дороге спросят чья – скажешь, что твоя, ясно?

Алена, подергивая плечами под песню Патрисии Каас в наушниках, безразлично кивнула.

Брюнет прошел к багажнику своего «БМВ», открыл его, извлек оттуда ящик с автомобильным инструментом и небольшой чемодан, затем поднял ковровый половик и снял боковую панель, за которой оказался паз между багажником и крылом машины. В этот паз он просунул сумку с деньгами и еще утопил ее вглубь, в поддон. Поставил панель обратно, прикрыл половиком, вернул багаж на место, хлопнул крышкой багажника и сел в кабину, к рулю.

Вставил ключ в замок зажигания и повернулся к Алене:

– Пристегнись.

Алена пристегнулась ремнем, он тоже.

Брюнет уже собрался повернуть ключ зажигания, но задержался.

– Дай-ка твою сумочку, – приказал он Алене.

– Зачем?

– Давай, давай! – потребовал он, взял ее сумку, открыл и стал рыться в ней. – Я не люблю сюрпризов на таможне – наркотики, бриллиантики... – Тут он извлек из сумочки пустую бутылку из-под «Балтики» и удивился: – А это тебе зачем?

– На всякий случай.

Брюнет, пожав плечами, вернул Алене сумку и бутылку.

– Значит, так, – объявил он. – Наш маршрут: Брест, Варшава, Берлин, Париж и далее везде. При этом Россию, Белоруссию и Польшу мы должны проскочить за сутки. Следовательно, остановки только по форс-мажору. Ясно?

— Да. А что такое форс-мажор?

— Форс-мажор – это стихийные бедствия: наводнения, ураганы, землетрясения, понос и малая нужда. Еще есть вопросы?

– Ага. Мы чё – будем спать в машине?

– О «спать», – сказал брюнет, – не может быть и речи, я спешу. И еще запомни: по паспорту я Андрей Серов. – Тут он завел машину, поставил ногу на педаль газа и добавил: – Ну что? Перекрестимся на дорогу?

Оба перекрестились.

Он нажал на газ, и машина сорвалась с места.

Минутой позже они уже миновали зоопарк, спустились к Москве-реке и с Краснопресненской набережной вымахнули на мост и Кутузовский проспект, ведущий на запад, в Европу.

Часть вторая ЗАЛОЖНИК

11

Марокко, дворец короля, покои министра безопасности.

Здесь, под расписным куполом потолка, возлежит на коврах и подушках министр безопасности с кальяном в руке, украшенной кольцом с сапфиром.

Перед министром раболепно склонился одноглазый араб со шрамами на лице.

– Мы перехватили зашифрованный телефонный разговор, – говорит министр одноглазому. – Русские послали курьера с выкупом за этого бандита. Почти миллион долларов. Но его величество готов дать два миллиона, лишь бы этот курьер не доехал и бандиты отрезали голову собаке, который поднял руку на имущество его величества. Ты понял волю его величества?

Одноглазый кивает, кланяясь.

– Подними на ноги всю агентуру в Европе. Пусть полиция проверяет всех русских. Этот курьер не должен доехать.

Одноглазый кивает, кланяясь.

– Останови курьера, и пусть его деньги станут твоими. А я помолюсь Аллаху, чтобы нас не миновала щедрость его величества. Ты все понял?

Одноглазый кивает, кланяясь.

Министр вальяжным жестом отпускает его:

– Иди.

Одноглазый, пятясь и кланяясь, уходит.

12

Машина летела по Минскому шоссе. Вокруг был уже типично сельский пейзаж – невзрачные деревеньки, старые серые дома... Перед мостом через узкую речку мелькнул столбик с надписью: «р. Березина».

— Так это по этой дороге шел Наполеон? – спросила Алена.

– По этой, – усмехнулся Андрей. – Только непонятно зачем. Взял бы сначала турпутевку сюда, посмотрел бы, что тут и как, и не было бы никакой Бородинской битвы.

– А вы чё, Россию не любите? – обиделась Алена за родину.

— Почему? Люблю, – ответил Андрей. – Но странною любовью. Не победит ее рассудок мой...

— Ой! – перебила Алена. – Смотрите! Совсем как моя деревня! И мы в таком доме живем – ну точно!

– Вот именно, – отозвался Андрей. – И у вас, как тут, со времен Наполеона ничего не изменилось.

– А вот и неправда! У нас телик появился!

– А-а! – усмехнулся Андрей. – Зато сортир остался на улице.

Алена обиженно отвернулась к окну.

– Ну! – сказал Андрей после паузы. – Что ж ты замолчала?

– А у меня больше нет вопросов.

— За державу обиделась? Так-так... Только ты все равно обязана говорить со мной, это твоя работа, ясно? Чтобы я не уснул за рулем.

Но Алена продолжала молчать.

Разбитая, вся в выбоинах и трещинах, летела под колеса дорога, и машину трясло, как на стиральной доске. Только в Белоруссии полотно покрытия стало бетонным и гладким, как взлетная полоса. Андрей повеселел, прибавил скорость, и машина торпедой полетела вперед.

– А вы говорите! – укорила его Алена. – А мы, оказывается, вон какие дороги умеем строить!

– Еще бы! – усмехнулся Андрей. – Все для фронта, все для победы! Эту дорогу Хрущев построил. По ней наши танки должны были дойти до Парижа за тридцать шесть часов! А ты вообще водишь машину?

– Я трактор вожу, – отозвалась Алена.

– А какое у тебя зрение?

— Нормальное.

– Сто процентов?

– Ну...

– А у меня триста.

– Да ладно! Триста не бывает.

– Хочешь, поспорим? – Андрей показал на ближайший столб. – Вот столб видишь?

— Вижу.

– Какая на нем цифра написана?

– Семьсот три.

— Правильно. А вон тот видишь? – И Андрей показал на следующий столб, отстоящий в километре. – Какая на нем цифра? Видишь?

– Нет, еще не вижу.

— А я вижу. Семьсот четыре.

Машина приблизилась к столбу, на нем действительно было написано «704».

— Правда, – удивилась Алена. – Семьсот четыре.

— Но это еще что! – Андрей показал на столб, только что возникший на горизонте. – Вон тот столб видишь? Какая на нем цифра?

Алена молчала.

– Вот! – сказал Андрей. – А я вижу! Семьсот пять!

— Ой, да ну вас! – сообразила Алена. – Это же километры! Делаете из меня дуру! – И обиженно перелезла на заднее сиденье, открыла там сумку-холодильник, принялась делать бутерброды.

— Ничего не дуру, – сказал Андрей. – Я тебя учу.

Открыв бардачок, он достал из него пластиковый пакет, передал Алене:

– На, надень.

– Что это? – Алена отложила готовые бутерброды и открыла пакет. В нем были дешевые клипсы, нательный серебряный крестик на дешевой цепочке и еще какая-то бижутерия. – С чего это я надену?

– Потому что я сказал! – вдруг жестко отрубил Андрей. – Ясно?

Алена, обиженно поведя плечами, надела крестик и клипсы, посмотрела в зеркальце.

– Они мне не личут...

Андрей усмехнулся:

– «Личут»! «Чё»! Ты на самом деле такая дремучая или прикидываешься?

– Ах так?! – обиделась Алена и убрала готовые бутерброды.

13

К вечеру они были под Брестом и уперлись в хвост трехкилометровой очереди автомашин перед таможенной и пограничным КПП.

По всему было видно, что этот табор стоит тут целую вечность – легковые автомашины всех моделей и марок... туристические автобусы... мешочники... шоферы... челноки... беженцы с детьми...

– Блин! – в досаде выругался Андрей.

— А что здесь происходит? – не поняла Алена.

— Брест, – сообщил Андрей. – Граница на замке, Брестская крепость, железный занавес... Вот что: сиди в машине, никуда не выходи, поняла?

Алена независимо повела плечом.

– Нет! Тебе ясно? – снова жестко сказал Андрей. – Ни в туалет, никуда!

– Ну, ясно, ясно...

Изяв ключ из рулевой колонки и защелкнув все дверные замки, Андрей стремительно убежал куда-то вперед этой длиннющей очереди.

Показав ему вслед язык, Алена нацепила свои наушники, включила плеер, достала из сумки косметичку и под очередную песню Патрисии Каас принялась изучать в зеркальце свое лицо, подводить ресницы и выщипывать брови.

Стук в окно прервал это увлекательное занятие. Алена повернулась. За окном стояла молодая симпатичная пара – девушка и парень. Оба радушно улыбались и жестами просили опустить стекло. Алена опустила.

– Красавица, вы из Москвы едете? – спросил парень.

– Да.

– Тут такая очередь – ужас! – сказала девушка.

– Люди по двое суток стоят! – сообщил парень.

– Просто безобразие, что с людьми делают! – возмутилась девушка.

– За людей не держат! – сказал парень.

– Мы тоже с Москвы, земляки, – сказала девушка. – Тебя как звать?

– Алена...

Девушка наклонилась к Алене, сказала интимно:

– Слушай, мы тут договорились, нас местные через границу другой дорогой проведут. Без всякой очереди и всего за сто баксов. Но у нас столько нету, мы ищем с кем споловинить. Вас, как земляков, можем взять с собой. Согласна?

– Ну, я не знаю... – заколебалась Алена.

– А что, в машине будете ночевать? – сказал парень. – Тут меньше суток еще никто не стоял. Они там на таможне две машины в час пропускают.

– Эй, ребята! – крикнула девушка куда-то в сторону.

К машине тут же подошли два молодых мужика.

— Слушайте, ребята! – сказал им парень. – Мы тут земляков встретили. Смотрите, какая девочка! Москвичка! Мы хотим с ними скинуться, а? За сотню четверых провезете? На этой машине и поедем...

Мужики переглянулись без большого энтузиазма.

– Да ладно вам жаться-то! – сказала им девушка. – Поехали! Аленка, открой двери...

И, не дожидаясь Алены, сама подняла защелку дверного замка...

Тем временем Андрей как раз добежал до головы автомобильной очереди.

Здесь, преграждая всем дорогу, стоял постовой пограничник с жезлом и «уоки-токи». Он держал всю очередь в так называемом накопителе, пропуская вперед, к КПП, по одной-две машины. Между ним и КПП было метров триста пустой дороги, огражденной высокой металлической сеткой.

Андрей направился к этому постовому.

– Куда? В чем дело? – грубо остановил его постовой.

— Командир, где тут старший у вас? – сказал Андрей.

– А в чем дело?

– Я с киностудии. Мне старшего.

Постовой мотнул жезлом в сторону группы таможенников и пограничников у КПП.

– Там...

Андрей торопливо прошел через пустое пространство между головой автомобильной очереди и КПП, подошел к пограничникам. Все они были молодыми, не старше тридцати.

— Ребята, кто тут у вас за старшего?

Пограничник с погонами капитана отозвался:

– Ну, я... А в чем дело?

— Замечательно! – воскликнул Андрей с такой радостью, словно встретил родного брата.

— Товарищ капитан, там, в машине, Алена Бочкарева сидит!

— Какая еще Бочкарева?

— Натуральная! Актриса! Вы что? Бочкареву не знаете? Это же новая Гурченко! Она уже в трех фильмах снялась! Мы на Каннский фестиваль опаздываем! А тут очередь до утра!

Молоденький капитан нахмурился:

– Закон для всех один. Актриса – не актриса...

— Конечно, – согласился Андрей. – А если она тебя поцелует?

– И только? – усмеялся кто-то из солдат-пограничников. – Маловато! – Солдаты рассмеялись.

— А ну кончай ржать! – приказал им капитан и повернулся к Андрею: – Ладно, покажи артистку.

— Спасибо! – обрадовался Андрей. – Стой где стоишь!

И бегом побежал назад, в конец очереди.

А добежав, остолбенел: в его машине были открыты все окна, здесь гремело радио, на сиденьях хозяйски расположилась банда из трех мужиков и какой-то бабы. Они травили Алене анекдоты и жрали бутерброды из его дорожной сумки-холодильника.

Сдерживая себя, Андрей подошел к машине, наклонился к Алене:

– В чем дело? Кто такие?

Алена гордо сообщила:

– Знакомься, Андрей, я договорилась! Они нас через границу без очереди провезут. И всего за полсотни!

Андрей еще раз оглядел эту банду и увидел, что мужик, сидевший за рулем, уже возится руками под рулевой колонкой.

Следующая секунда была наполнена сразу несколькими молниеносными действиями: левой рукой Андрей распахнул дверцу, а правой стальными, как щипцы, пальцами ухватил под затылком шею сидевшего за рулем мужика и дернул с такой силой, что тот вылетел из машины, как гнилой зуб под рукой опытного дантиста.

Остальная компания тут же сама прыснула из машины и разбежалась.

Андрей первым делом бросился к багажнику, открыл его, убедился, что все на месте, и облегченно вздохнул. Вернулся к кабине, сел за руль, пошарил пальцами под рулевой колонкой и только после этого завел машину, съехал на обочину и медленно покатыл вперед вдоль всей очереди.

— Я... я не понимаю... – ошарашенно произнесла Алена.

– Понимать не надо, – сдерживая бешенство, жестко сказал Андрей. – Надо слушать, что тебе говорят. Еще минута, и тебя увезли бы в лес, изнасиловали и убили, а машину раскурочили на запчасти. С такими, как ты, лохушками тут это каждый день. Дошло?

До Алены дошло, и она, отвернувшись, молчала.

Выдохнув остатки бешенства, Андрей продолжил:

– Значит, так! Слушай внимательно. Ты актриса, звезда кино. Там стоит капитан пограничников, он тут самый главный. Поцелуешь его один раз, но так, чтобы у него ноги отнялись. Сможешь?

– Не знаю, я нецелованная, – мстительно сказала Алена.

– Не сможешь, голову оторву, – сообщил Андрей и, высунувшись из окна, крикнул постовому, торчавшему перед накопителем: – Командир! Мне капитан разрешил, старший!

Постовой жезлом показал ему проехать в накопитель, и машина пошла по дороге, окруженной высокой металлической сеткой.

Андрей внимательно осмотрел Алену, как перед решающим выходом на сцену, сказал поспешно:

– И клипсыними! Клипсы, блин! Трактористка!

– Ну вот! – проворчала Алена. – То надень, тоними!

Они подъехали к КПП, вышли из машины и подошли к группе ухмыляющихся пограничников, которые откровенно рассматривали Алену, ожидая спектакля.

– Знакомьтесь, товарищ капитан, – сказал Андрей и тоном конферансье представил: – Алена Бочкарева! – И Алене негромко: – Ну, давай!

Рассматривая капитана, Алена произнесла:

– А что? Он симпатичный... – И добавила Андрею с подначкой: – Не то что некоторые...

Затем, работая больше на Андрея, чем на всех остальных, подошла к капитану, проникновенно посмотрела ему в глаза, картинно, как в кино, обняла его за шею, привлекла к себе и поцеловала в губы – крепким и долгим поцелуем...

Солдаты-пограничники пришли в полный восторг.

— Вот это да!

– Ну дает!

– Во кино! Актриска!

– Держитесь, товарищ капитан!..

Наконец, с нарочито громким расклеивающимся звуком, Алена отпустила капитана. Но тот, не открывая глаз, все стоял, пошатываясь...

Пограничники осмелели.

– А меня?!

– Все, товарищ капитан! Жена вас бросит!..

– Девушка, а хотите, я на вас женюсь?..

Капитан открыл глаза, молча, на ватных ногах подошел к шлагбауму и поднял его.

– Проезжайте!

– Минуточку! – крикнул кто-то из солдат. – Товарищ капитан, разрешите обратиться!

– Чего тебе? – спросил капитан.

– Мне бы хоть автограф взять! Можно?

Но Андрей и Алена, сидя в машине, уже пересекали границу, и капитан отдал честь Алене, проехавшей мимо него.

Андрей, ведя машину, тоже взял как бы под козырек и – уже за шлагбаумом – негромко произнес:

– Прощай, немытая Россия.

На рассвете под Познанью Андрей разбудил Алену. Она заспанно, с клипсой в одном ухе, поднялась с откинутого переднего сиденья.

На пустом шоссе их машина вынужденно притормаживала, поскольку рядом катил джип, прижимая их к обочине. В джипе сидели трое поляков, и один из них, рыжий, опустив стекло, махал полицейским жезлом и кричал Андрею с польским акцентом:

– Колесо! Пан, колесо капут!

Андрей, выругавшись сквозь зубы, остановил машину.

Поляки тоже остановились, все трое вышли из джипа, подошли к «БМВ». Рыжий, стараясь взглянуть на спидометр, приказал Андрею:

– Опусти скло, пан!

Андрей опустил стекло.

– Джевенть десенджь шешть тысьнч! – прочел рыжий цифры на спидометре. – Много ездись, пан!

Два других поляка стали осматривать машину, проверяя ее наружный вид.

— С якого року самоход? – поинтересовался рыжий.

– Да старая! – небрежно сказал Андрей. – С девяносто второго.

— Да, старая... Жалко... – огорчился рыжий. – Тут дрога небеспечна. Мы вас буджем охоронять.

— Не надо, пан, – ответил Андрей. – Дзянкую бардзо.

— Пан не розумее, – объяснил рыжий. – Тут в пшешлым мисёнцу бандиты едного дипломата вбили, тэж ехал с дивчиной. А мы с вас не дрого возьмем, мы ж не бандиты, мы есть служба безпеки.

Алена осторожно сунула руку в сумочку и сжала там горлышко своей пустой бутылки.

– Спасибо, пан, – льстиво сказал Андрей. – Мы так проедем.

— Ты што, пан, не розумишь? – возмутился рыжий. – Мы держим эту дрогу. Мы тебе жиче зхоронили, ты нам за то вже сто доляров довжен!

— Сто долларов?! – с деланным испугом воскликнул Андрей и повторил в ужасе: – *Сто-долларов?!* Панове, да вы что? С чего вы на нас наехали? Мы бедные туристы! Что вы с нас возьмете? – Трясущимися руками он схватил Аленину сумку и стал вышвыривать из нее в воздух Аленины трусики, косметику. – Вот! Ее трусы возьмите! Косметику! – И, словно в истерике сорвав с Алены клипсы и нательный крестик, бросил их через окно полякам. – Серьги возьмите! Крестик, если ты крещеный! Мы бедные люди...

Рыжий, подойдя вплотную к кабине, перебил его:

— Для чего пан кшычы? Если пан такой бедак, мы сами пану поможем.

– Нет, а что в самом деле? – поостыл Андрей. – Что с нас взять?

— Так допомочь тебе, пан? – спросил у него рыжий.

– Ну и помогли бы по-человечески, – проворчал Андрей. – Славяне все-таки, братья...

– Ага, старшой брат. На, тшимай! – И рыжий вдруг с такой силой двинул Андрею кулаком в нос, что кровь брызнула по всей машине и на Алену.

Андрей, схватившись за нос, упал лицом на баранку.

А рыжий, повернувшись, направился в свой джип и жестом позвал с собой остальных.

Но тут Алена в бешенстве выскочила из машины с пустой бутылкой, как с гранатой, в руке и побежала к полякам, крича рыжему:

— Ах ты, сука позорная! А кто вас от немцев спас? Мать вашу!..

Рыжий, повернувшись, легко выбил у нее бутылку из руки и уже занес свою для сокрушительного удара, но в этот миг Андрей, воспользовавшись тем, что Алена отвлекла на себя

внимание поляков, выскочил из машины, молниеносно оказался возле рыжего и мощным ударом ребра ладони по шее буквально сразил того на землю.

Два других поляка бросились на Андрея, но парой ловких ударов Андрей уложил и этих. Рыжий между тем поднялся и медведем пошел на Андрея.

Но прямым ударом в челюсть Андрей снова опрокинул его на спину.

– Это тебе от старшего брата, – произнес он и, не оглядываясь, пошел к машине.

Рыжий, однако, оказался не из слабаков. Став сначала на четвереньки, он злобно глянул на Алену:

– Курва...

И, выпрямившись, пошел за Андреем, шатаясь и роясь в кармане в поисках не то ножа, не то пистолета.

Увидев это, Алена схватила с земли свою бутылку, бросилась за рыжим, догнала и сзади саданула по черепу так, что рыжий упал навзничь и затих.

– А это от старшей сестры, – сказала Алена и села в машину.

Андрей, окровавленный, до отказа выжал педаль газа. «БМВ», переходя на форсаж, с визгом шин сорвался с места и полетел по шоссе.

Крестик и остальная бижутерия, выброшенная Андреем, остались на дороге.

В машине Алена, хлопоча и достав из сумки-холодильника бумажные салфетки, попыталась утереть кровь с лица Андрея.

– Вот сволочи!..

– Это мы легко отделались – крестиком, – усмехнулся Андрей.

Приложив руку к его лицу, Алена забормотала:

– Шла баба по речке, вела быка на нитке. Нитка порвалась...

Андрей оттолкнул ее руку.

– Отстань! С ума сошла?

— Я кровь заговариваю, меня бабка научила, – обиженно сказала Алена и попыталась вновь коснуться ладонью его лица. – Стану я на камень, кровь моя канет...

Но Андрей раздраженно ударил ее по руке:

— Отстань!

Алена, как от пощечины, отвернулась к окну. И заплакала.

– Так! – сказал он. – Час от часу не легче! И чего ты теперь ревешь? А?

– Я писать хочу.

– Нашла время!

Не сбавляя скорости, он продолжал гнать машину.

– Мне очень надо... – сказала Алена после паузы.

Андрей, срываясь, почти закричал:

– Ты что, не понимаешь, где мы? Тут нас каждую секунду могут убить!

— А что я могу сделать? – разрыдалась Алена. – Мне нужно...

Андрей ударил по тормозу так, что Алена чуть не вышибла головой стекло.

Машина вылетела на обочину и с рокотом щебенки под колесами затормозила у лесной опушки.

— Иди! Бегом! – приказал Андрей.

Выскочив из машины и держа коленки вместе, Алена посеменила в лес.

Андрей, оставшись на предрассветной дороге, настороженно смотрел по сторонам. Вокруг была тревожная тишина глухого леса и пустой дороги.

Звенели цикады.

Держа руку на рычаге скоростей, Андрей по-звериному чутко вслушивался в каждый звук.

Неожиданно что-то застучало – громко, как из пулемета.

Андрей дернулся, остро оглядывая каждый куст.
Но это оказался дятел на сосне.
Наконец Алена широким шагом выбежала из леса и стремглав припустила к машине.
Андрей перевел рычаг скоростей.
Алена, дрожа от страха, плюхнулась на переднее сиденье, и Андрей дал газ.

15

Через три часа они были на польско-германской границе. Здесь через КПП плавно шел поток чистеньких машин. Автомобили с западноевропейскими номерами пограничники пропускали вообще без досмотра.

Но, глянув в российский паспорта Андрея и Алены, германский пограничник велел им отъехать в сторону на проверку к таможенному инспектору.

А таможенник приказал выйти из машины, осмотрел кабину, заставил открыть багажник и вытащить из него все содержимое. Потом стал рыться в ящике с инструментами, в продовольственной сумке-холодильнике, даже в косметичке Алены...

Мимо – без всякого досмотра – катили немцы и немки, австрийцы и австрийки, французы, французенки и прочие шведы – лощенные, чистенькие. И, проезжая, награждали задержанных русских высокомерно-холодным взглядом.

Андрей с индифферентным лицом следил за таможенником, но Алена занервничала:

— Я не понимаю, что он ищет?

— А все, – сказал Андрей. – Наркотики, оружие, черную икру, красную ртуть...

Между тем таможенник, проверяя все вещи, то и дело искоса поглядывал на Алену.

— А почему их не проверяют? – кивнула Алена на проезжающих европейцев.

– А они люди первого сорта, – саркастически заметил Андрей.

– А мы?

— А у нас репутация такая – или русский балет, или русская мафия. Или Ростропович, или...

– Ой, Андрей! – неожиданно спохватилась Алена. – А где сумка, которую ты мне в Москве показывал?

— Заткнись! – сквозь зубы процедил он и кивнул на таможенника. – Улыбнись ему.

– Да пошел он!

— Я сказал: улыбнись! – жестко приказал Андрей.

Алена, перехватив очередной взгляд таможенника, ослепительно улыбнулась.

Таможенник расплылся в ответной улыбке.

– Битте, фрау! Алес гут! – Он показал, что досмотр окончен, и пожелал им счастливого пути: – Гутэ райэ!

— Данке шон, – благодарно улыбнулся ему Андрей, сел в машину и нажал на газ.

Но едва они пересекли границу, тут же свернул к сияющей неоновым бензоправочной станции. Однако остановился не на общем паркинге, а за автоматической мойкой. Здесь, в тени и удалении от проезжей публики, он извлек из-под сиденья немецкие номерные знаки, заменил ими свои российские, сунул российские под коврик багажника и заехал на мойку. Бросил монеты в автомат, нажал кнопку старта и, откинув свое сиденье до упора, закрыл глаза.

Алена сидела, с любопытством озираясь по сторонам.

Вдруг что-то грохнуло под машиной, с кляцаньем ухватило ее за днище, потащило вперед, и мощные струи воды с шумом водопада обрушились на машину со всех сторон.

Алена отшатнулась.

Тут белые потоки какой-то пены закрыли все окна, а вращающиеся лопасти щеток стали хлестать кузов и стекла.

Алена испуганно глянула на Андрея.
Но он уже спал.

А спустя еще двадцать минут сияющая, как новенькая, машина Андрея, с новыми немецкими номерами, выплыла из мойки и влилась в поток таких же чистеньких машин на гудящем от напряженного движения германском автобане. Среди тысяч автомобилей, летящих по многоуровневому европейскому шоссе, даже самый опытный глаз не смог бы отличить их «БМВ» от немецких машин.

Пользуясь отсутствием на автобанах ограничений скорости, Андрей выжимал 170 км в час.

А Алена балдела от нового мира, летящего на нее со всех сторон:
эти сияющие на солнце громадные никелированные цистерны бензовозов...
эти чистенькие скаковые лошади в специальных загончиках на колесах...
эти растянутые лимузины...
эти яркие «жучки» новеньких «фольксвагенов» и «кузнечики» современных «мерседесов»...

эти двухэтажные туристические автобусы...
эти «траки»-грузовики немыслимой величины...
и чистенькие, словно игрушечные, немецкие городки...
и аккуратно возделанные поля...
и сияющие лаком трактора и комбайны...
и коровы немыслимой чистоты...
и подростки в беленьких гетрах на сельском стадионе...
и частный аэродромчик с «сеснами»...
и мальчишки, пускающие разноцветных змеев...
и бипланеристы в воздухе...
и мотоциклисты в кожаных доспехах на «харлей-дэвидсонах»...
и пятнистый дог в окне «бентли»...
и морской катер на колесах, прицепленный к тягачу...
и старинный черный автомобиль с венками на окнах...
– А это что? – спросила Алена.

– Катафалк, – сказал Андрей, обгоняя автомобиль с венками. – Покойника везут на кладбище.

— Стоп! – закричала Алена. – Не обгоняйте! Нельзя покойника обгонять! Беда будет!
Но Андрей, хмыкнув, только увеличил скорость.
Алена обиженно отвернулась.

И вдруг Андрей резко нажал на тормоз – впереди, насколько видит глаз, была гигантская пробка перед сужением дороги и указателем ограничения скорости с надписью «ACHTUNG! 30 km».

– Ну, что я сказала! – напомнила Алена.

– Блин! – огорчился Андрей и, высунувшись по пояс из окна, увидел, что пробка вызвана не какой-то стройкой или аварией, а странной для Европы и скоростного автобана проверкой – там, впереди, дорогу перекрывали полицейские машины, и группа немецких полицейских внимательно осматривала каждый проезжающий мимо них автомобиль.

Нырнув на свое место, Андрей поднял все стекла, пристегнулся ремнем безопасности и сказал Алене:

– Ты пристегнута?
– Я же говорила – нельзя покойников обгонять!
– Сиди спокойно! И не говори по-русски! Ты немая, поняла?
– А чего вы психуете? Чего нам бояться?

– Молчи... У каждого нормального человека есть причины бояться полиции. Даже у тебя, если хорошо подумаешь, – ответил Андрей, входя в однорядный строй машин и вместе со всеми медленно двигаясь к полицейскому заслону.

Там, облокотившись на свои авто, полицейские внимательно сличали с какой-то бумажкой номера проходящих машин.

Андрей приближался к ним, явно нервничая.

Наконец машина, двигавшаяся перед ними, прошла мимо полицейских, и теперь Андрей с индифферентным лицом катил к ним свой «БМВ».

Когда до полицейских оставалось метров десять, Алена вдруг спросила:

— А им улыбаться?

– Молчи! – прошипел Андрей.

Полицейские глянули на номерной знак их машины... в глаза водителю... на пассажирку...

Андрей судорожно сжал руль, а Алена на всякий случай ответила полицейским своей ослепительной улыбкой и – машина миновала полицейский заслон!

Глядя в зеркальце заднего обзора, Андрей увидел, как кто-то из полицейских оглянулся то ли на его машину, то ли на блондинку в ней. И еще метров двести Андрей заставлял себя не увеличивать скорость. А потом – нажал до отказа на газ...

16

Алена делала бутерброды.

Андрей – в хорошем настроении, расслабленный – вел машину, ел и подначивал Алену:

– А сколько у тебя мужиков было? Много?

– Не ваше дело.

– А все-таки?

– Я же вам сказала: я девушка.

– В семнадцать лет?! Так не бывает.

— Во-первых, мне фактически еще нет семнадцати.

— А во-вторых?

Алена молчала.

– Ну! Во-вторых?

— Ну что вы пристали? Может, я своего принца жду? Имею право?

Солнце, обогнав машину, уходило на запад и било им в глаза...

Андрей свернул на бензоколонку.

Там хозяин колонки вставил шланг в бензобак их машины и ушел в свою будку.

Шланг запульсировал потоком бензина, на счетчике побежали цифры.

Андрей откинул свое сиденье и расслабленно закрыл глаза.

Алена осторожно включила радио, салон наполнился негромким джазом, и Алена стала сидя двигаться-подтанцовывать в ритме музыки.

Тут какая-то темная девочка-турчанка лет восьми, с ведерком в руках, подбежала к передку машины и стала мыть фары.

Алена, сидя в машине и глядя на девочку, продолжала дергаться под музыку.

Через пару секунд набежали еще какие-то мальчишки-турчата мал мала меньше, со щетками и какими-то баллончиками в руках, пеной из баллончиков залепили все стекла...

Андрей не видел этого, спал, а Алена, сидя, растанцевалась так, что глаза закрыла от кайфа.

Что-то чуть слышно клацнуло сзади, Андрей вздрогнул, открыл глаза, увидел залепленные пеной окна и вдруг пулей выскочил из кабины, метнулся к багажнику.

Багажник был открыт, в нем так же нараспашку был открыт чемодан, а пацаны-турчата уже бежали во все стороны, унося кто пиджаки, кто штаны Андрея.

Андрей сунул руку к тайнику, но тайник был прикрыт ковриком и нетронут. Андрей сел на бампер и, глядя вслед убегавшей шпане, сокрушенно вздохнул. И в этот момент перед ним возникла Алена.

– Ой! – протянула она изумленным тоном актрисы Теличкиной. – У вас чемодан пустой...

У Андрея даже не было слов.

Съедены яблоки и виноград из дорожной сумки-холодильника.

Мелькает сбоку купол собора и очередная реклама отеля.

Дождь сечет ветровое стекло и улетает в сторону.

Появились французские дорожные указатели.

Алена, увидев их, захлопала глазами.

— Как? Уже Франция?

– Бельгия, – уточнил Андрей.

– А где же граница? Пограничники?

— А все, уже объединенная Европа. Это мы со всеми разъединились, даже с Украиной.

А нормальные люди объединились.

— Ну, дела...

Тут Алена заметила, что их машина как-то странно виляет. Поглядела на Андрея, а он, оказывается, уже клевал носом и усиленно таращил глаза.

– Эй! Стоп! – закричала она. – Сворачивайте! Вам нужно поспать. Вот указатель.

Впереди действительно был указатель зоны отдыха – нарисованные на щите елочка и грибок. Но Андрей отмахнулся:

– Некогда!

– Да убьемся же! – не отставала Алена. – Вы вторые сутки не спите! Тоже мне Штирлиц нашелся, ё-моё! Сворачивайте!

– Нет, не здесь...

Но Алена уперлась:

– Почему не здесь? Куда мы гоним? Что это вообще за поездка? Европа, а ни душа, ни поесть по-человечески! Я уже не могу видеть эти бутерброды! Я хочу супу! Слышите?

Андрей, не отвечая, вел машину. Но спустя минуту все-таки съехал с шоссе под указатель «SERVICE ARIA».

Здесь было полно машин, а стоянка перед рестораном была забита туристами – японцы, негры, индусы, бразильцы и снова японцы. Чуть сбоку, на детской площадке, дети и взрослые разминались футболом. По другую сторону, на отдельной площадке, какие-то не то немцы, не то норвежцы выгуливали собак.

Андрей высмотрел место в самом центре парковки, рядом с кабриолетом американцев, в котором гремел негритянский рэп, и, поставив машину между этим кабриолетом и туристическим автобусом, защелкнул дверные замки, откинулся назад вместе со своим сиденьем и закрыл глаза.

– Я выйду погуляю, – сказала Алена.

— Нет, – отозвался он, не открывая глаз.

– Я вам не рабыня!

Андрей молчал.

Алена протянула руку к крючку дверного замка и... замерла от ужаса.

Прямо на нее медленно наплывала полицейская машина с двумя дюжими полицейскими на передних сиденьях.

А сбоку гремел американский рэп...

А полицейские, глядя Алене в глаза, все приближались...

Потом, запарковав свою машину нос к носу с машиной Андрея, вышли и с двух сторон пошли прямо на Алену...

Алена в ужасе закрыла глаза.

Но полицейские прошли мимо.

Алена еще минуту посидела с закрытыми глазами, потом открыла их и, не шевелясь, повела зрачками по сторонам. Затем по микрону, по чуть-чуть повернула голову вправо... еще чуть вправо... еще... и увидела, что полицейские входят в дорожный ресторан.

Шумно выдохнув, она бессильно обмякла на своем сиденье и устало закрыла глаза. А придя в себя, открыла левый глаз и скосила его на Андрея.

Андрей спал. Во сне его лицо потеряло напряжение этой дороги, размякло и стало почти детским.

Алена повернулась к нему и принялась разглядывать его лицо как бы по отдельности – губы... глаза... лоб... снова губы...

Какое-то новое чувство к этому странному человеку тихим мотивом родилось в ее душе и потянуло ее к нему – ее рука сама непроизвольно двинулась к его лицу, чтобы прикоснуться, погладить.

Но когда она была уже в сантиметре от его щеки, Андрей вдруг встряхнул головой, открыл глаза.

— Что?

Алена испуганно отдернула руку.

— Нет. Ничего.

И отвернулась.

17

И снова дорога.

Когда на дорожном указателе появилась надпись «PARIS – 100 km», Алена достала свою косметичку и стала наводить марафет.

Первым делом прическа – волосы в эту сторону, справа налево...

Хотя – нет! Вон на рекламном щите у французской красотки волосы слева направо. Значит, тут так носят. Срочно переделать прическу!..

Новый указатель: «PARIS – 50 km».

Алена наводит тени под глазами, подкрашивает ресницы, поправляет брови...

Еще один указатель: «PARIS – 25 km».

Алена подводит губы...

И, придирчиво оглядев себя в зеркале, выпрямляется, готовая к встрече с Парижем.

Новый указатель: «PARIS» – со стрелкой, указывающей выход с шоссе на Париж.

Однако Андрей проносится мимо.

– Как? Куда вы? – всполошилась Алена.

— Нам дальше, – сообщил он.

– А Париж? – чуть не плача, взмолилась Алена.

К вечеру она уже лезла на стенку от злости.

– Нет, зачем вы меня взяли? Что я вижу? Париж проехали! Берлин проехали! Брюссель проехали! Одни названия! Хватит! Надоела мне эта машина! Выпустите меня! – И, глядя на бесчувственного Андрея, заорала в полный голос: – А-а-а-а!!!

Андрей ударил по тормозу.

Машина, юзом прокатив по гравию, остановилась на обочине.

Алена испугалась:

— Что случилось?

— Иди, – сказал Андрей.

— Куда?

— Куда хочешь!

– Ах так?!

Алена вышла из машины и, хлопнув дверцей, пошла в обратную сторону.

За ее спиной машина фыркнула выхлопной трубой и зашуршала колесами по гравию.

Алена непроизвольно оглянулась.

Красные габаритные огни стремительно удалялись на юг, во мрак. И исчезли в ночи.

Алена осталась на дороге одна.

И вдруг услышала, как с севера на нее с ревом несется нечто гигантское, страшное...

Она отшатнулась.

Ревя двигателем и завывая гудком, мимо нее пронесся восьмиосный тягач с гигантской цистерной, и ударом ветра Алену чуть не сдуло с шоссе. А не успела она прийти в себя, как послышался новый рев и в глаза ей ударил накат ослепительных прожекторов...

Она отскочила от дороги и, поскользнувшись, тут же скатилась с обочины в овраг.

Шоссе опустело.

Вокруг была ночь, темень, непривычно тихо, и лишь в дальнем лесу ухала сова.

Алена была одна бог знает где, посреди Европы.

Подвывая и дрожа от страха, она стала карабкаться обратно на шоссе.

И увидела, как с юга – не по дороге, а по обочине – на нее накатывают красные огни какого-то нового зверя.

Испугавшись чуть не до обморока, Алена снова нырнула в овраг.

Черная машина с красными габаритными огнями задним ходом пронеслась мимо нее по обочине и укатила на север.

Сообразив, что это была машина Андрея, Алена выскочила на шоссе, замахала руками:

— Я тут! Стойте! Я тут!..

Но Андрей, ведя машину задним ходом, смотрел не вперед, а назад и укатил еще дальше, его машина скрылась во тьме.

Алена села на камень и разрыдалась.

Минуту спустя возле нее остановился открытый кабриолет с двумя юнцами и гремящим радио. Открыв дверцу, юнцы заговорили с ней по-испански, приглашая в машину, но Алена не понимала их, сказала:

– Парле ву франсе? Ду ю спик англиш?

— Но инглез! – ответил водитель кабриолета и, говоря что-то, протянул Алене бутылку с портвейном.

Потом, оглянувшись на пустую дорогу, парни вышли из машины, один из них протянул Алене сигареты. Второй грязно засмеялся, взял Алену за руку и потащил в машину.

Но в этот миг к ним подлетела машина Андрея, и Андрей, выскочив из кабины, выдернул Алену у юнцов. Водитель кабриолета тут же замахнулся на Андрея, но тот опередил его, сказал примирительно:

– Ола! Буэнос ночес, сеньорес! Но проблем! Сеньора ми эспоса! Это моя жена! Грасьяс! Спасибо!

Парни, однако, не хотели отдавать добычу, стали по-испански качать права насчет того, что это они ее нашли...

– Си, сеньоры! – примирительно твердил Андрей. – Грасьяс! Граци миле! Она вышла на минутку из машины и заблудилась. Спасибо, что вы ее нашли. Большое спасибо! Вы настоящие кабальеро! Спасибо, что спасли мою жену...

Парни обезоруженно отступили.

Андрей подтолкнул Алену в свою машину, сел к рулю и поехал. Алена сидела надувшись.

— Ты хоть понимаешь, что они собирались с тобой сделать? – спросил Андрей после паузы. – Это тебе не Франция! Это уже Северная Испания, Страна басков.

Алена повернулась к нему в изумлении:

– Как Испания?

– А так, смотри! – И он показал на гигантского фанерного быка, стоящего сбоку от дороги и подсвеченного прожекторами.

Алена, крутя головой, стала с восторгом рассматривать эту оригинальную рекламу, символ Испании.

Действительно, в ночи, на фоне неба, подсвеченный мощными лучами, десятиметровый бык выглядел великолепно, величественно и монументально.

18

А где-то совсем неподалеку, в Бильбао, в ангаре местного аэропорта, одноглазый начальник отряда спецопераций марокканской службы безопасности распекал в это время своих оперативников:

– Черт подери! Почему вы не можете вычислить русского курьера? За что я вам плачу? Он уже должен быть здесь, в Испании!..

Оперативники-марокканцы стояли, опустив глаза. Один из них – старший, с бритой головой и серьгой в ухе – поднял голову:

– Все русские на одно лицо, ваша мудрость.

— Тогда проверяйте всех! поголовно! Клянусь Аллахом, или этот русский будет у меня, или я скорблю ваши мозги шакалам!

19

Машина Андрея продолжала катить на юг по ночному шоссе. Глядя в боковое зеркало, он сказал:

– Все-таки прилипли...

— Кто?

– Твои ухажеры-испанцы. Они тут, как быки, все на сексе двинуты.

Алена повернулась, посмотрела назад.

— А это не они.

— Ну да, не они! – насмешливо ответил Андрей.

– А вот и не они. Те были на легковой, а это грузовичок какой-то...

— Так... Ну-ка, ну-ка... – присмотрелся Андрей и сбавил скорость.

Висевший у него на хвосте «опель»-пикап сделал то же самое.

– Интересно... – Андрей прибавил скорость и, глядя в зеркало заднего обзора на следующий за ними пикап, сказал с досадой: – Только этого не хватало!

– А кто это?

Но Андрей, не отвечая, жал на газ, и машина летела в ночи по шоссе, а сзади нее летел, не отставая, пикап.

И так – тандемом – они въехали в Бильбао.

Здесь оказалось, что, несмотря на глубокую ночь, весь город – особенно старая его часть – бурлил по поводу начала очередной корриды: на узеньких улочках гремели оркестры, стреляли петарды, танцевали, веселились и пели женщины в ярких платьях а-ля Кармен, а мужчины, танцуя, пили вино прямо из бурдюков, сжимая их локтями и ловя ртом струи вина...

Машина Андрея пробиралась сквозь этот праздник, пытаясь уйти от пикапа то в один из переулков, то в другой. Но «опель»-пикап навязчиво и открыто висел у них на хвосте.

Посматривая на часы, Андрей подъехал к парадному входу отеля «Виста Алегре». Ночной портье выскочил ему навстречу и замахал руками, показывая, что мест нет. Андрей жестом позвал его к себе. Портье подбежал, наклонился к окну:

– Сеньор, но авитасьон! Сорри! Эскьюзито!

Андрей сунул ему стодолларовую купюру, и портье разом умолк, убежал и тут же вернулся с тележкой для багажа.

В зеркальце заднего обзора Андрей видел пикап, остановившийся поодаль. И, демонстративно выйдя из машины с сумкой-холодильником в руках, открыл багажник, наклонился над ним вместе с этой сумкой, повозился там с минуту, потом извлек из багажника и поставил на тележку свой чемодан и сумку-холодильник.

Портье покатиł тележку в отель.

Андрей и Алена пошли за ним.

В вестибюле портье вручил им ключ от номера, а Андрей отдал ему ключи от машины.

– Сеньор, когда у вас завтрак? – спросил Андрей по-английски.

– В шесть утра, – ответил портье. – Вам в номер подать?

– Нет. Просто разбудите нас в шесть.

– Конечно, сеньор. – Портье показал им на лифт. – Поезжайте. Третий этаж, ваш номер тридцать второй. Багаж я привезу.

– Нет, багаж мне нужен сейчас, – заявил Андрей.

– Но, сеньор, у нас очень маленький лифт...

– Ничего, поместимся.

Портье закатил тележку с багажом в узенькую кабину лифта, куда, кроме самого портье и тележки, больше ничто и никто поместиться не мог. Однако Андрей, став на багажную тележку, умудрился втиснуться в кабину.

– Поехали!

– А сеньора? – удивился портье.

– Сеньора пойдет пешком, – ответил Андрей и добавил Алене по-русски: – Поднимайся по лестнице. Третий этаж, тридцать второй номер.

Алена, недовольно хмыкнув, пошла к лестнице.

20

В небольшом гостиничном номере Алена вышла из душа, завернувшись в полотенце. И, ложась в постель в лифчике и трусиках, сунула под подушку пустую бутылку из-под кока-колы – на случай самообороны.

Но Андрей, к ее удивлению, вообще не разделся.

Сначала он прислонился к двери их номера и авторучкой сделал отметки на уровне своих плеч и головы.

Затем впритык придвинул к этой двери тяжелое кресло.

Потом переложил что-то из кармана пиджака в рукав.

Одетый, в пиджаке и туфлях, лег на кровать поверх одеяла, закинул левую руку за подушку, закрыл глаза и вдруг...

Не открывая глаз, левой рукой метнул нож.

Стальное острие ножа вошло точно в его отметку на двери.

Андрей встал, извлек нож, погасил в номере свет и, не раздеваясь, снова лег на кровать.

Сжимая под подушкой горлышко своей бутылки, Алена затаилась, ждала. Потом осторожно повернулась, посмотрела на Андрея.

Он уже спал.

Телефонный звонок разбудил их действительно ровно в шесть. Андрей, встряхнувшись, снял трубку. Голос портье сообщил по-английски:

– Доброе утро, сеньор. Шесть утра, завтрак.

– Си, грасьяс, – ответил Андрей и сказал Алене: – Трактористка, подъем! Живо! Живо! На завтрак!

Но из номера они выходили с предосторожностями: сначала Алена, выглянув, сообщила Андрею, что коридор пуст, а затем за Аленой вышел Андрей с женской сумкой через плечо.

– О! – изумленно сказала Алена. – А вот и сумка нашлась! Где же она бы...

– Тихо ты, курица! – перебил Андрей и объяснил: – Люди спят.

Но, вызвав лифт, спохватился:

– Ой, Алена, а на черта я эту сумку взял? Езжай, я тебя догоню.

Алена, пожав плечами, уехала лифтом вниз.

Андрей, вернувшись, прошел мимо своей комнаты в конец коридора, к служебной лестнице и открыл там дверь в кладовку-подсобку. В кладовке находились пылесос, половая щетка, тележка с запасным постельным бельем, а на полках – коробки с салфетками и банки с моющими средствами. Оглянувшись, Андрей сунул свою увесистую сумку в глубину верхней полки, за батарею шестилитровых банок с раствором для промывки засорившейся канализации. Закрыв кладовку, вернулся к лифту и лестницей стал спускаться вниз.

Навстречу ему поднимались два дюжих марокканца.

Андрей вежливо уступил им дорогу, пересек вестибюль и оказался в небольшом гостиничном ресторане. Здесь был «шведский стол» – на длинном столе с белоснежной скатертью в красивых вазах лежали все виды фруктов и овощей, тут же в графинах были соки, в супницах – каши и на отдельных подносах и посудницах – выпечка, яйца всмятку, яичницы, сосиски и прочее.

Андрей осмотрел зал и усмехнулся: Алена с непривычки набрала себе столько, сколько съесть невозможно.

Подтрунивая над ней, он ел свой завтрак не спеша, только постоянно посматривал в окно на торчащий напротив отеля пикап.

Там, в кабине, сидел теперь лишь один марокканец – бритоголовый, с серьгой в ухе.

– А я и не знал, что курицы такие прожорливые, – говорил Андрей, глядя то на полную тарелку Алены, то на пикап за окном.

Алена, не отвечая, хмуро поглощала еду.

Наконец из отеля вышли два марокканца, пересекли улицу, сели в свой пикап.

Андрей тут же встал, буркнул Алене: «Я сейчас», вышел из ресторана и, не дожидаясь лифта, взбежал по лестнице на третий этаж.

Дверь их номера была открыта настежь, за ней он увидел комнату, перевернутую вверх дном – вещи разбросаны, постель сброшена на пол, шкаф распахнут, сумка-холодильник изрезана ножом...

Не заходя в номер, Андрей прошел в конец коридора, достал из кладовки свою сумку. И увидел уборщицу, поднимающуюся по служебной лестнице. Вынув из кармана сто долларовую купюру, он показал ее уборщице и сказал на ломаном испанском:

– Сеньора, у вас есть двадцать минут?

– Си, сеньор, – удивилась та. – Но мне шестьдесят три года.

— В данном случае это не важно, – успокоил ее Андрей.

В ресторане Алена допивала третью чашку кофе с шестым круассаном, когда появился Андрей со своей женской сумкой.

– Хватит есть, – приказал он. – Пошли!

Но Алена, обиженная не то его тоном, не то отсутствием внимания, продолжала пить кофе.

Стальной хваткой взяв ее за руку, Андрей выдернул ее из-за стола:

— Быстро! Я кому сказал! – и непререкаемо повел к лифту. – Сейчас ты с одной испанкой поедешь на вокзал, она посадит тебя на поезд...

– Это еще с чего?

– Молчи! Слушай! Поезд идет до Мадрида восемь часов. Посмотришь Страну басков, проедешься по Испании – это просто сказка! В Мадриде я тебя встречу.

– А если не встретите? – испугалась Алена.

— Встречу. – Андрей завел ее в лифт и нажал кнопку третьего этажа. – Будешь ждать меня на первой платформе. Запомнила? Первая платформа.

– А сколько ждать?

– Всю жизнь! – приказал он, выходя из лифта на третьем этаже. – Да, чуть не забыл! Возьми эту сумочку. – И отдал ей свою женскую сумку.

– Но почему? – Алена взяла сумку и прогнулась под ее весом. – Ой, тяжелая! Там что?

– Урна с прахом, – брякнул он первое, что пришло в голову.

Алена выронила сумку и испуганно отпрыгнула в сторону.

– Что-о?

— Ну, что? Ну, урна... – продолжал выдумывать Андрей, поднимая сумку. – С прахом одного коммуниста, испанского репатрианта, борца с фашизмом. Люди меня попросили перевезти, чтобы похоронить на родине...

– Нет, мертвяка я не повезу, – категорично отрезала Алена и решительно пошла вниз по лестнице.

Андрей поспешил за ней.

– Подожди! Но почему?

— Не повезу, – через плечо говорила на ходу Алена. – Я боюсь.

– Да это хороший человек! – уверял ее Андрей. – Если б ты знала его живым!..

Алена, не слушая, спускалась по лестнице.

– Нет, я не понимаю! – твердил Андрей, идя позади нее. – То ты с бутылкой на трех польских качков лезешь, как Матросов, а то какой-то урны боишься...

Алена не отвечала.

Андрей загородил ей дорогу.

– Пстой! Ну, ты свою родину любишь? Ты где хочешь, чтобы тебя похоронили? На чужбине или в родной деревне? А? Он тоже не хочет лежать на чужбине. Он завещал, чтоб его на родине похоронили. Можем мы его последнюю волю уважить? Заслуженный деятель рабочего движения, борец с фашизмом... – И, видя, что Алена заколебалась, Андрей втолкнул ее в лифт, нажал на кнопку третьего этажа.

Там их уже ждала уборщица.

– Вот эта синьорина, – показал ей Андрей на Алену. – Идемте.

По служебной лестнице они втроем спустились во двор отеля.

Во дворе мусорщики гремели мусоровозкой, а официанты ресторана разгружали пивные и винные бочонки из машины, въехавшей во двор из бокового переулка.

Андрей снял с плеча сумку и протянул Алене.

Но Алена еще колебалась.

– Смелей! – сказал он. – Ну, смотри: она закрыта на молнию, а молния заперта замком, видишь?

Алена, перекрестившись, взяла сумку. Хотела чмокнуть Андрея на прощание, но испанка-уборщица уже села на свой старенький мотороллер и завела его, и Андрей поспешно усадил Алену на заднее сиденье, втиснул сумку между ней и испанкой. Алена попыталась отстраниться животом от сумки, но Андрей, наоборот, прижал ее к ней и поторопил испанку-уборщицу:

– Быстрей, сеньора! Поехали!

Мотороллер, тарахтя, выехал со двора в боковой переулок.

Проводив его взглядом, Андрей по той же служебной лестнице взбежал на третий этаж. И через несколько минут три марокканца, сидевшие в пикапе напротив отеля, увидели, как из парадного входа выкатила тележка с багажом Андрея. Тележку вел мальчишка-бой, за ним шел Андрей. Подойдя к своей машине, Андрей открыл багажник, бой загрузил в этот багажник чемодан и дорожную сумку-холодильник. Дав бою на чай, Андрей сел за руль и тронул машину.

«Опель»-пикап двинулся за ним.

По пустым в этот ранний час улочкам старого города обе машины выехали на мост Сан-Антонио и двинулись в сторону шоссе.

21

Вагон был общий, сидячий. Рядом с Аленой и напротив нее сидели простые баски. Внешне они были похожи на голубоглазых грузин и с откровенностью быков в упор разглядывали Алену, а с галантностью Санчо Пансы пытались втолковать ей названия достопримечательностей, мимо которых шел поезд.

Алена кивала им, понимающе улыбалась и ничего не понимала.

Хотя полюбоваться тут было чем – за окном поднимались величественные горы, поросшие лесами, то и дело возникали горные крепости и живописные, библейского вида деревушки, нанизанные на серпантин дорог, петлявших над ущельями или уходящих в туннели сквозь горы...

Алена ахала от этой красоты и даже привставала, чтоб полюбоваться подольше...

А в ногах у нее, на полу вагона, болталась женская сумка с 800 000 долларов. От качки эту сумку то и дело сдвигало от Алены, но баски-соседи вежливо возвращали ее на место.

22

В отличие от стран Центральной Европы Страна басков – как, впрочем, и вся континентальная Испания – достаточно пустынна. Едва Андрей покинул обжитую прибрежную зону и углубился в горы, как шоссе опустело, и на очередном пустыре его машину догнал пикап. Марокканцы, не таясь, выставили из окон автоматы и приказали Андрею остановиться.

Он подчинился.

Марокканцы подошли к машине, бесцеремонно распахнули дверцу и вытащили Андрея наружу.

– Money! – коротко приказал бритоголовый.

Андрей отвечал по-испански:

– Какие «мани»? Откуда у меня...

Бритоголовый ударом кулака сбил его с ног, Андрей упал на асфальт, но тут же вскочил.

– Money! – повторил бритоголовый.

– Вы, наверно, ошиблись. Я бедный турист...

Бритоголовый повернулся к машине Андрея и выстрелил в лобовое стекло. Пуля была четырнадцатого калибра, и стекло разлетелось вдребезги.

Но Андрей, продолжая косить под туриста, закричал с деланным испугом:

– Да вы что? Что вы делаете?

– Money! – снова сказал бритоголовый и, не дожидаясь ответа, очередь из автомата прошел все окна машины.

Осколки стекол разлетелись во все стороны, осыпав стеклянной пылью и Андрея, и бритоголового.

Бритоголовый кивнул своим марокканцам на машину Андрея, и те принялись выворачивать ее буквально наизнанку – вспороли и выбросили из салона сиденья, раскурочили панели на дверцах, взломали бардачок и багажник, вышвырнули из него все вещи, даже коврики...

Андрей униженно просил по-испански:

– Сеньоры, да вы что? Кабальеро, не надо! – И добавил по-русски: – Блин, попались бы вы мне в России!..

Новый удар бритоголового по уху бросил его на землю. И тут же автоматная очередь, описывая дугу, прошла асфальт рядом с его головой.

Но и лежа на земле, Андрей, накрыв голову руками, выл по-испански:

– Ну нет у меня ничего! Вы обознались, сеньоры! – И по-русски: – Мы еще встретимся, я обещаю!

Тут послышался визг тормозов, и возле них остановился джип «Чероки». За его рулем сидел одноглазый начальник отряда спецопераций марокканской службы безопасности. Не выходя из машины, он оглядел раскуроченный «БМВ», затем лежащего на асфальте Андрея и наконец вопросительно глянул на бритоголового.

Бритоголовый доложил по-арабски:

– Ничего нет. Может, это не он?

– А девку вы кокнули, что ли? – спросил у него одноглазый.

— О Аллах! – закричал бритоголовый, спохватываясь. – Girl! – И, подбежав к Андрею, саданул его ботинком по правому колену. – Where is your girl?

Девушка, о которой шла речь, катила тем временем в поезде Бильбао – Мадрид, но чувствовала себя на седьмом небе, поскольку совершенно освоилась в этой Испании и стала в вагоне центром всеобщего внимания и веселья. Молодые баски учили ее пить вино из бурдюка – нужно, оказывается, держа бурдюк двумя руками, направить горлышко вверх, затем изо всех сил сжать бурдюк локтями и, когда струя вина вылетает из этого горлышка, успеть поймать эту струю открытым ртом.

У басков это получалось замечательно, но Алена обливалась вином и хохотала, и все вокруг хохотали вместе с ней.

А на шоссе Бильбао – Мадрид бритоголовый продолжал избивать Андрея.

– Girl! Where is your girl? – требовал он и приставил дуло автомата к виску Андрея.

Андрей, подняв голову, признался по-испански:

– В отеле. Она осталась в отеле...

Одноглазый, услышав это, тут же развернул свой джип «Чероки» и помчался обратно в Бильбао.

А марокканцы сели в пикап и укатили за ним.

Андрей – избитый, грязный, с расквашенным лицом – с трудом поднялся, посмотрел на часы. Потом, припадая на правую ногу и морщась от острой боли в колене, подошел к своей машине.

В ней были выбиты все стекла, сорваны все панели на дверцах, вырвана рулевая колонка, раскурочены и прострелены багажник и капот.

23

Поезд выкатил из-за горного хребта и, огласив гудком окрестные деревушки, притормозил у железнодорожной станции Миранда.

С минуту постоял, выгрузив одних басков-пассажиров и приняв несколько новых, и загудел отправление.

В это время по серпантину горной дороги скатился к станции какой-то запыленный грузовичок «студебеккер» доисторического производства, из его кабины, сказав водителю «Грассьяс!», выскочил Андрей и, прихрамывая, бегом поковылял к поезду.

Поезд тронулся, но Андрей на ходу все-таки запрыгнул в последний вагон.

Отдышался и, хромая, пошел по вагонам вперед, ища глазами Алену.

Вагоны были тесно набиты басками – крестьянами и рабочими с их рабочим инструментом, дорожными корзинами и кожаными баулами.

Андрей протиснулся через один вагон... второй... третий...

Алены в них не было.

Заплатив кондуктору за билет, он двинулся дальше и попал в вагон, буквально забитый молодежью. Здесь, откуда-то из глубины вагона, до него донесся голос Алены:

Миленький ты мой!..
Возьми меня с собой!..
Там, в краю далеком,
Буду тебе женой...

Протиснувшись еще чуток вперед, Андрей издали увидел Алену. Окруженная басками, она пела им, но в ее голосе и глазах было не столько желание развлечь этих басков, сколько вся широта российской души:

Милая моя,
Взял бы я тебя...
Но там, в краю далеком,
Есть у меня жена...

Когда песня закончилась, вагон буквально взорвался аплодисментами и криками «браво!».

Андрей двинулся вперед, и вот уже она, Алена – оживленная, в компании восторженных молодых басков, болтающая с ними на смеси английского, французского, русского и испанского. На столике перед ними бутылка с вином, в руках у одного из парней – гитара...

– Алена! – позвал Андрей.

Она повернулась на голос, и глаза ее расширились от ужаса.

– Господи, что с тобой?

– А где моя сумка? – спросил он нетерпеливо. – Сумка где?!

– Где-то здесь была, на полу... Ты выпьешь с нами? – И Алена повернулась к парням, окружавшим ее, сказала им на смеси французского и испанского: – Это мой друг, амиго...

Однако Андрей, презрев этикет, уже полез под лавку за своей сумкой.

Сумки там не оказалось.

Андрей ползал под сиденьями, отодвигая чьи-то чемоданы, корзины и баулы, – сумки не было...

Потный, измазанный в пыли, он поднялся и с пугающим хладнокровием подошел к Алене вплотную, сказал негромко, сквозь зубы:

– Ты, девка! Спрашиваю в последний раз: где сумка?

Парни вокруг Алены напряглись, пытаясь понять, что этот «амиго» хочет от Алены, и готовые в любой момент вступить за нее, а Алена, поглядев в бешеные глаза Андрея, спокойно кивнула в сторону:

– Да вот она, там...

Он проследил за ее взглядом и увидел свою сумку черт-те где, в другом конце вагона, на полу рядом с каким-то псом.

Шагая через чьи-то ноги и чемоданы и пробившись наконец в тот конец вагона, Андрей протянул руку за своей сумкой, но пес поднял голову и зарычал, а сидевшие рядом с собакой испанцы объяснили Андрею, что это сумка не его, а русской синьорины, собака ее охраняет...

На следующей станции, в Бургосе, Алена и Андрей вышли из поезда, причем окна вагона, в котором ехала Алена, буквально ломились от высунувшихся наружу басков – парни что-то кричали Алене, махали руками.

Но поезд все-таки тронулся и унес ее поклонников.

А Андрей – хромая, держась за колено, но с воистину драгоценной сумкой через плечо – зашел в сопровождении Алены в офис проката автомашин «Rent-a-car».

Спустя несколько минут новенький «фиат» странными рывками отчалил от железнодорожной станции. В машине на водительском месте сидела Алена, а рядом с ней, на пассажирском сиденье – Андрей. Морщась от боли, он массировал свое правое колено и руководил движением:

– Тише! Мягче на газ!.. Гады, ногу мне изувечили... Да тише ты, это тебе не трактор!..

Но Алена, освоившись и выкатив на шоссе, усмехнулась, дала полный газ, и машина так стремительно набрала скорость, что Алена даже подпрыгнула от удовольствия.

– Вот это да!.. Ура-а-а!.. Красота!..

Автострада действительно шла через горы невысказанной красоты и мощи. Ведя машину на полной скорости, Алена включила радио, покрутила ручку настройки и... машина вдруг огласилась не то Бахом, не то церковным хоралом. В сочетании с дикой мощью гор, красотой новенькой автострады и библейской живописностью всей окружающей природы это было так впечатляюще, что у Алены слезы брызнули из глаз.

– Эй, ты что? – изумился Андрей.

— Я маму вспомнила... – заплаканно шмыгнула она носом. – Ведь она умрет, а такой красоты никогда не увидит...

24

Поздним вечером, под дождем они все же достигли Марбельи на южном берегу Испании и еще через несколько минут въехали в Пуэрта-Пескуэро – порт со стоянкой для рыбацких шхун и частных яхт. По случаю дождя в этот поздний час тут было безлюдно.

Пока Алена медленно рулила вдоль подковообразного причала, Андрей читал названия пришвартованных яхт и наконец нашел то, что искал – яхту с надписью «Santa Agata». Показав на нее Алене, он велел выключить фары.

Алена затормозила и в темноте неловко ткнулась бампером в швартовочную тумбу.

Вахтенный матрос свесился через борт, крикнул им что-то по-испански.

Андрей ответил ему из машины.

Вахтенный исчез, и вскоре на палубе яхты показались трое мужчин. Один из них тоном главаря что-то спросил сверху у Андрея по-испански.

Андрей подтвердил.

Главарь и двое его соратников тут же спустились по трапу на берег, приказали Алене и Андрею выйти из машины, стать лицом к багажнику и опереться об этот багажник руками.

Андрей и Алена повиновались, хотя стоять под дождем было неуютно и холодно. Но два помощника главаря стояли у них за спинами, держа руки в карманах пиджаков, отягощенных пистолетами, а сам главарь снял с плеча Андрея тяжелую женскую сумку, сел в машину на заднее сиденье, вспорол эту сумку ножом и выпотрошил из нее содержимое. Пачки с деньгами он, считая, стал складывать назад в сумку.

Алена, увидев эти деньги, забыла о дожде и даже рот распахнула от изумления.

– А-а-а прах? – сказала она Андрею. – Вы же говорили...

– Заткнись! – процедил он сквозь зубы.

Досчитав деньги, главарь высунулся из машины, крикнул что-то на яхту по-арабски и махнул рукой.

Только после этого вахтенный вывел на палубу какого-то бородатого человека и грубо толкнул его к сходне.

Бородач спустился по сходне на пирс. В темноте было невозможно разглядеть его лицо.

Главарь по-арабски сказал что-то своим подручным-соратникам, те отошли от Андрея и Алены, и главарь, взяв сумку с деньгами, ушел по сходне на яхту. За ним поднялись его подручные, вытянули на борт сходню, и яхта, заурчав двигателем, взбурлила воду и тут же отчалила в ночь.

Андрей, хромя, подошел к бородачу, пожал ему руку.

— Привет, – сказал он ему по-русски. – Куда тебя?

– В Лондон, в Сидней, в Токио.

– Я серьезно.

– В Малагу, в аэропорт.

Держась за большую ногу и прихрамывая, Андрей сел на свое пассажирское место на переднем сиденье.

Бородач, посмотрев на это, сел к рулю, завел машину и дал задний ход, разворачиваясь.

Алена, оставшись одна на пирсе, закричала в изумлении:

– Эй! А я?

— Кто это? — спросил в машине бородач у Андрея.

– Да так, прикрытые, – ответил тот.

Но бородач все-таки вернулся за Аленой, и Алена села на заднее сиденье, ворча:

– Ну, вы даете! Джентльмены!

По дороге в аэропорт бородач протянул руку Андрею:

– Паспорт!

Андрей, достав из кармана паспорт, отдал его бородачу. Бородач, ведя машину по двухрядному шоссе, бегло просмотрел паспорт и спрятал его в карман.

Андрей открыл бардачок и молча подал бородачу электробритву. Тот вопросительно взглянул на Андрея.

– Ты в паспорте без бороды, – объяснил Андрей.

– Ах да, спасибо. – Бородач тронул свои заросшие щеки. – Звери! Месяц в трюме держали!

Ведя машину одной рукой, он стал бриться, периодически продувая электробритву.

Волосы из бритвы летели назад, на Алену, она брезгливо отмахивалась, но Андрей и бородач не обращали на нее никакого внимания.

– А что у тебя с ногой? – спросил бородач у Андрея.

— Производственная травма, – усмехнулся тот и объяснил: – Кто-то навел на нас марокканцев...

Обогнув двухэтажный паркинг, машина подкатила к зданию аэропорта с надписью «MALAGA AIRPORT», и бородач повернулся к Алене:

– Оревуар, красавица!

Сделав двумя пальцами прощальный жест, он уже открыл дверцу, чтобы выйти из машины, но тут...

Алена ахнула от изумления:

– Принц!

Бородач оглянулся, и она убедилась, что это действительно был тот самый красавец, который...

– Вы меня не узнали? – заговорила она торопливо и суматошно, боясь, что он опять исчезнет. – Не узнали, да? А помните сельпо? Ну, сельпо на дороге возле деревни Долгие Крики? Вы меня приглашали поехать в Париж и Монте-Карло. Помните? Вы это... Можете меня поздравить! Мне сегодня семнадцать лет исполнилось. Я знала, что я вас встречу!

Красавец посмотрел на Алenu, потом на Андрея.

– Наш человек, – сказал Андрей. – Без нее я бы не довез твой выкуп. Бутылкой одного поляка так грохнула...

Тут по радио сначала по-испански, а потом по-английски прозвучало объявление о посадке в самолет, следующий рейсом Малага – Лондон.

– Твой рейс, – сказал Андрей Красавчику.

Но Красавчик и бровью не повел, спросил у Алены:

– Как тебя звать?

– Бочкарева Алена.

– Повезло тебе, Алена, – усмехнулся он. – У меня принцип – жить без долгов.

И, тронув машину, отчалил от аэровокзала.

25

Роскошный пятиэтажный универмаг «Дос Инглес» в Малаге. Под легкую и негромкую музыку эскалатор вознес их на пятый этаж – Алenu в ее помятом платье и стоптанных туфлях, Андрея в его грязных лохмотьях и Красавчика в его далеко не свежем костюме.

Сойдя с эскалатора, они исчезли, а через какое-то время ступили на ленту эскалатора, идущего вниз, – Андрей и Красавчик в новеньких костюмах и свежих рубашках, а Алена – в совершенно роскошном платье. Но обувь у них еще была ужасная, и посему на четвертом этаже они сошли с эскалатора и исчезли опять.

А затем появились на идущем вниз, к третьему этажу, эскалаторе – Андрей и Красавчик в новых вечерних туфлях, а Алена – в туфельках-шпильках и с новенькой сумочкой...

Но и на третьем этаже они, сойдя с эскалатора, тоже исчезли на время.

А затем покатали вниз – Андрей и Красавчик подстриженные и набриолиненные, а Алена с замечательной прической, в новеньких сережках и с новеньким плеером в руке...

Так – этаж за этажом – они преобразились совершенно и вышли из магазина светскими персонами.

Швейцар подозвал такси, услужливо открыл дверцу, и Красавчик приказал водителю:

– «Марбелья клуб».

Это оказался лучший ресторан в Марбелье – настоящий дворец. Витражи, мраморные колонны, лепнина, фрески, хрустальные люстры, официанты во фраках, оркестр с дирижером,

а за столиками – аристократическая публика, европейские нувориши и плейбои в смокингах и в сопровождении самых красивых дам Европы, одетых в дорогущие вечерние туалеты и с бриллиантами на шеях, в ушах и на пальцах.

Но когда метрдотель через весь зал повел Алену, Красавчика и прихрамывающего Андрея к дальнему столику у окна, все повернули головы в их сторону – дамы поедали глазами Красавчика, а мужчины – Алену.

Красавчик был действительно великолепен, Алена – неотразима. Возбужденная и сияющая, она не верила своему счастью...

Сев за столик, Красавчик по-английски попросил официанта принести свечи. Официант исчез и через секунду вернулся со свечой и меню.

– Нет, дорогой, – сказал ему Красавчик по-английски. – Нам нужно семнадцать свечей.

– Могу я узнать зачем, сэр? – спросил официант.

– Потому что сегодня день рождения этой леди.

– Just a moment, sir!

Официант испарился, Красавчик открыл меню и с улыбкой спросил у Алены:

– Что тебе заказать, именинница?

– А? – оглушенно отозвалась Алена.

По ее лицу и глазам было видно, что от счастья она совершенно ничего не соображает. А тут еще оркестр прервал свою музыкальную программу, дирижер повернулся к публике и объявил в микрофон:

– Синьоры и синьорины! Ladies and gentlemen! Минуточку внимания! Только что к нам в ресторан влетел ангел – вот эта очаровательная русская фея, ей сегодня семнадцать лет. – И повернулся к Алене: – God bless you, angel!

Тут в зале погас свет, оркестр грянул испанский марш, и в полной темноте метрдотель во главе шествия всех официантов и поваров выкатил из кухни тележку с тортом, украшенным семнадцатью свечами.

Публика громко зааплодировала, под эти аплодисменты торт со свечами подкатил к Алене.

Алена неловко встала, слезы брызнули из ее глаз.

– Загадай желание и дуй! Дуй на свечи! – негромко подсказали Алене Андрей и Красавчик.

Алена с их помощью задула свечи.

В зале вспыхнул свет, вся публика аплодировала уже стоя, а от ближних столов стали подходить пары с бокалами шампанского и поздравлять Алену на разных языках – по-испански, по-французски, по-английски, по-итальянски.

Алена уже не успевала утирать слезы со своих сияющих счастьем глаз...

И, видя эти трогательные слезы, какая-то дама так расчувствовалась, что сняла с себя небольшую, но дорогую брошь и приколола к Аленину платью.

– Что вы! – растерялась Алена. – Что вы! Не надо!

– It's not for you, – сказала дама громко, на весь зал. – Это в память о моем семнадцатилетии...

Зал снова зааплодировал, и с легкой руки этой дамы подарки уже посыпались со всех сторон – шампанское, цветы, сувениры...

Алена, потрясенная, смотрела на людей, подносящих эти подарки, и твердила только одно:

– Ну, не надо... Ну, не надо... Пожалуйста, не надо!..

– Вот видишь! – укорил ее Андрей. – А ты хотела в Париж!

Но Алена не слышала его. Глядя на Красавчика влюбленными глазами, она говорила ему:

– Спасибо... Я вам так благодарна...

– Выпьем за женщин! – уязвленно сказал Андрей Красавчику. – Выпьем за их красоту и душевную чуткость.

А дирижер снова подошел к микрофону.

– The angel's dance! Синьорина, ваш танец!

И тут же вступила музыка страстного испанского танго.

Алена посмотрела на Красавчика, но он показал ей на Андрея.

Андрей, однако, указал на свое больное колено и бессильно развел руками.

Алена снова подняла глаза на Красавчика.

Красавчик встал и с церемонным наклоном головы подал Алене руку.

Зал затих, все смотрели на них.

Красавчик вывел Алену в центр зала, и они стали танцевать.

Алена смотрела ему в глаза и говорила, как в лихорадке:

– Я знала, я знала, что я вас встречу! Я еще в пятом классе загадала!.. Господи, что я несу! Зачем я это говорю?..

Они плыли в танце, и весь зал – испанцы, американцы, японцы, французы, шведы – все, и мужчины, и женщины, любовались ими. А перед глазами Алены мелькали люстры... зеркала... ее детские, на стене портреты принца... и глаза Красавчика, который, обнимая ее в танце, смотрел на нее с мягкой улыбкой и взглядом, обещающим рай.

Тем временем Андрей, любуясь на павлинов, гуляющих за окном по парку «Марбелья клуба», вдруг увидел, как к ресторану подкатило несколько полицейских машин.

Он встал, подошел к танцующим и тихо сказал Красавчику:

– Полиция.

– Черт! – огорчился Красавчик, прервал танец, поклонился с Аленой на аплодисменты публики, подвел ее к столику, усадил, положил перед ней несколько сотенных американских купюр и сказал негромко: – Расплатись за ужин.

Потом кивнул Андрею на инкрустированную ширму, закрывавшую ход на кухню.

Алена не успела и глаза распахнуть в изумлении, как Красавчик и Андрей с деловым видом исчезли за этой ширмой именно в тот момент, когда через главный вход в ресторан стремительно вошли высокие полицейские чины в сопровождении жандармов. Жандармы цепочкой разбежались вдоль стен зала, а чины напрямиком направились к столику, за которым сидела онемевшая от ужаса Алена.

– Синьорина, не двигайтесь! – по-английски приказал Алене комиссар полиции. – Именем короля вы арестованы! Где ваши мужчины?

Алена молчала, окаменев.

– Ты слышишь меня, русская сучка? – наклонился к Алене полицейский комиссар. – Где твои мужики?

Алена не шевелилась.

Зато за спиной у комиссара сначала разрозненно, а потом все громче и настойчивей возникло разноязычное возмущение всего зала.

– Shame on you... Как вам не стыдно!.. Это же ее день рождения!.. Позор...

Не дождавшись от Алены ответа, комиссар ринулся за ширму, на кухню.

Но оттуда навстречу ему уже выходил кто-то из жандармов, бессильно разводя руками.

Комиссар побагровел от злости и жестом приказал помощникам увести Алену.

Они вели ее сквозь разноязычное скандирование негодующей публики:

– Shame on you!.. Shame on you!..

А один из возмущенных посетителей заступил дорогу комиссару, сказал ему по-испански:

– Я депутат парламента. По какому праву вы нарушили наш ужин? Что вам нужно от этой девушки?

– У нас есть основания подозревать ее в соучастии в серьезном преступлении, – ответил ему комиссар полиции и показал фотографию Красавчика. – Этого человека разыскивает Интерпол.

Депутат парламента отступил, и на руках Алены защелкнулись наручники.

Часть третья ИГРОКИ

26

Москва, музей-хранилище ювелирной фабрики в Сокольниках.

По музею – длинной узкой комнате с застекленными и запертыми на замки витринами – медленно идут директор фабрики и Мозговой – пожилой мужчина, одетый с иголки, с острым и умным взглядом. На стене, над витринами – дипломы международных выставок ювелирных изделий, портреты ведущих мастеров фабрики.

Директор фабрики своим ключом открывает одну витрину за другой, Мозговой внимательно осматривает каждое ювелирное изделие и периодически показывает пальцем на выбранную им вещь.

– Это уникальное кольцо из белого золота с бриллиантами, – поясняет директор. – Посмотрите, какая огранка! Работа нашего лучшего мастера. Сделано к свадьбе Галины Брежневой с Чурбановым. Оригинал был похищен у нее в семьдесят девятом году, помните скандал с Борисом Цыганом? У нас остался дубликат. Это наше правило: любые уникальные изделия, которые мы делаем по спецзаказам, наши мастера исполняют в двух экземплярах – один заказчику, а второй сюда, в музей нашей фабрики.

– Отложите, – коротко говорит Мозговой и показывает на следующий экспонат.

– Эта диадема, – продолжает директор, – сделана перед первым визитом Горбачева в Англию как подарок, который он должен был вручить британской королеве... А это совершенно уникальное обручальное кольцо для дочери Романова, помните такого члена Политбюро?.. А этот комплект – серьги, браслет и перстень, все с рубинами – был изготовлен для Индиры Ганди перед визитом Брежнева в Индию...

Рассматривая в лупу каждое изделие, Мозговой не спеша говорит:

– Отложите... Отложите... И это отложите...

Директор аккуратно вынимает из витрин отобранные Мозговым изделия, бережно прикрепляет их на бархатную подушку-«распашонку». Заполнив «распашонку» и готовясь закрыть ее, он любовно смотрит на этот подбор сокровищ и вздыхает:

– Н-да... Им цены нет... Вы уверены в вашем «окне»?

– Вы меня обижаете.

– Извините, я немного нервничаю. А в чем вы это повезете?

Мозговой извлекает из кармана крошечный мобильный телефон, набирает короткий номер и говорит в трубку:

– Петрович, зажди.

Директор запирает витрины.

Открывается дверь, входит Аристарх Петрович. Это самый невзрачный и маленький человек, которого только можно отыскать. Бахрома рукавов его заношенного пиджака по костяшки пальцев закрывает ему руки, держащие два ужасающе потертых кейса.

Мозговой кивком подбородка приказывает Петровичу передать директору кейс, который Петрович держит в правой руке.

Петрович левой рукой ставит один из кейсов на стол, достает из кармана ключ, чуть поднимает рукав на правой руке и отпирает наручник, которым второй кейс прикован к этой руке. Открывает этот кейс – в нем пачками лежат стодолларовые купюры – и передает этот кейс директору. А к своей руке приковывает второй кейс и открывает его. В этот кейс Мозговой

кладет «распашонку» с сокровищами, сам закрывает его и запирает секретным кодом. Потом движением подбородка показывает Петровичу на выход.

Петрович кивает и уходит.

– И это все? – изумленно говорит директор. – Этот сморчок повезет наши сокровища?

– Под охраной, – заверяет его Мозговой.

Но лицо директора по-прежнему выражает сомнение.

Мозговой с усмешкой вынимает из уха крошечный микрофон и протягивает директору:

– Хотите послушать?

– Что это?

– Это бьется его сердце. Я слышу каждый его шаг.

27

Стена тюремной камеры красноречивей календаря свидетельствовала о сроке, проведенном в ней заключенной номер С-1664: ее, эту стену, украшали тридцать два портрета Принца, выполненные – по портрету в день – карандашом для ресниц и губной помадой. И все тридцать два портрета точь-в-точь соответствовали той фотографии, которую комиссар полиции предъявил члену испанского парламента в ресторане «Марбелья клуб» в тот роковой вечер. Но художественное творчество заключенной, даже самой талантливой, не подошьешь к ее следственному делу, и на тридцать третий день, когда Алена слушала в своем плеере уже не Патрисию Каас, а новомодную Ля Гранд Софи, французский эквивалент российской Земфиры, и рисовала на стене тридцать третий портрет Красавчика, – именно в это время решетчатая стена Алениной камеры откатилась и в камеру вошли два полицейских. Один из них замкнул на ее правой руке наручник, а вторую дужку наручника запер на своей левой руке и кивком показал Алене на выход.

Алена повиновалась, полицейские вывели ее наружу, прошли с ней по тюремному коридору вдоль камер, где сидели марбельские зечки – турчанки, цыганки, польки и румынки, – и вышли на тюремный двор. Здесь они посадили Алenu на заднее сиденье полицейской машины, уселись по обе стороны от нее и по-испански сказали что-то водителю. Тот включил сирену, и машина выкатилась за ворота тюрьмы.

Не прекращая завывать так, словно в машине сидит по меньшей мере вся «Коза ностра», полицейский автомобиль на бешеной скорости полетел по прекрасному Коста-дель-Соль – Солнечному побережью Испании – вдоль живописной набережной Пуэрто-Банус с ее роскошной курортной публикой; вдоль Золотой мили, по обе стороны которой высились виллы арабских шейхов и белоснежные жилые комплексы гнивающей европейской буржуазии – с зелеными парками, полями для гольфа, плавательными бассейнами и спусками к морскому променаду; вдоль строящихся новых вилл и коттеджей; вдоль Авенидо де Рикардо, главной улицы Марбельи, украшенной дорогими магазинами и ресторанами; и еще дальше – по дороге Марбелья – Малага – Кадис, которая то спускалась к морю, к пляжам и курортным отелям, а то взлетала в зеленые предгорья, покрытые сосновыми и апельсиновыми рощами с жилыми оазисами вокруг искусственных озер и полей для гольфа.

Ослепительный мир Коста-дель-Соль, Средиземного моря и скользящих по нему яхт, скутеров, моторных лодок с водными лыжниками; мир планеристов, парящих в небе, и курортников – загорающих, плавающих, играющих на пляжах в волейбол и «фриско», – вся эта планета радости, солнца, богатства, красоты, неги и наслаждений летела за окнами полицейской машины и отлетала от Алены в ирреальность, в сон, в видение...

Надсадно воя сиреной, машина примчалась в Малагу, в аэропорт и – минуя таможенный и паспортный контроль – выкатилась прямо на летное поле, к «Ту-154» с надписью «АЭРОФЛОТ».

Здесь полицейские вышли с Аленой из машины, поднялись по трапу в салон и предъявили экипажу бумаги, заверенные печатями. Потом в сопровождении командира корабля провели Алену через набитый пассажирами салон – мимо изумленных, любопытных, недоумевающих и даже испуганных людей – в самый его конец, к последнему ряду, и показали ей тут на свободное кресло.

Алена села.

Полицейский снял наручник со своей правой руки, тут же замкнул его на подлокотнике Алениного кресла и протянул ключ командиру самолета, сказал ему по-английски:

– Отстегнете ее только после взлета.

Командир спросил с плохо скрытой насмешкой в голосе:

– Она что, опасная преступница?

– Нет, – ответил полицейский. – Ее уголовное дело закрыто за отсутствием улик. Но принято решение о ее депортации. Счастливого полета! – И, отдав честь, полицейские покинули самолет.

Командир наклонился к Алене, отомкнул наручники.

– Вот ты и дома, красавица.

Через несколько минут самолет взлетел и, накрываясь на одно крыло для разворота на восток, в последний раз показал Алене рай Коста-дель-Соль.

28

Поезд шел по заснеженной равнине.

Алена сидела в плацкартном вагоне, набитом людьми, и остановившись взглядом смотрела в окно, но не видела за ним ничего. А потом точно так же, с мертвыми глазами, катила по сельской дороге в тряском промороженном автобусе – со старухами, торговками квашеной капустой, с пьяным мужиком, то и дело сонно падающим ей на плечо, с переселенцами...

Пройдя через редкий лес, автобус остановился у развилки дорог и столбика с кривой дощечкой, обтесанной с одного конца. На дощечке была запорошенная снегом надпись:

ДОЛГИЕКРИКИ. 5 км

Алена с чемоданом вышла, и автобус ушел.

Она посмотрела на узкую дорогу, идущую на Долгие Крики. Дорога была занесена глубоким снегом, как целина, по которой не ходили и не ездили ни вчера, ни позавчера.

Вздыхнув, она потащилась по этому цельнику и час спустя вышла, взопрев, к реке, к вмерзшему в лед речному парому. Перевела дыхание, оглядела свои Долгие Крики с их двумя десятками домов над рекой и по улице, занесенной сугробами снега, добралась до своего дома, толкнула калитку, пересекла двор и открыла дверь.

И тут же, в тот же миг дом огласился истошным визгом:

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Это посреди горницы, теряя школьные тетради, подпрыгивала как ужаленная сильно повзрослевшая Настя:

– Мама, Алена приехала!

Алена вошла в дом, поставила чемодан на лавку у печи и сказала Насте:

– Да уймись ты, психическая!

Настя, визжа от радости, бросилась на Алену, стала тискать ее, обнимать и тормошить.

– Ну, погоди! Дай хоть раздеться...

Раздеваясь, Алена отодвинула занавеску печной завалинки, чтобы положить туда куртку, и увидела там сначала чьи-то толстые женские ноги, а потом и хозяйку этих ног – девку лет пятнадцати, сонно поднимающуюся на шум в горнице.

Изумленно хлопая глазами, Алена повернулась к Насте:

– Кто это?

Тут из-за занавески, разделяющей теперь горницу почти пополам, вышла мать.

– А это твоя новая сестричка. Здравствуй, Аленка, – сказала она масляным голосом. – Понимаешь, у меня теперь новый муж, это его дочка спит на твоём месте. Но ты не бойсь, мы поместимся. Ты надолго? Ой, а что это у тебя с глазами?

– Ничего. А что?

Но мать, пристально посмотрев Алене в глаза, тут же сменила тон, сказала негромко:

— Ты это... Извини меня... Не бойся, это твой дом. – И Насте: – Настя, тащи Артемку. Знаешь, Аленка, он у нас уже ножками бегаёт!

29

Поздно ночью в горнице, на полу, на матрасе, куда в первую ночь положили Алену, Настя в темноте шепотом излагала Алене последние новости:

– Во-первых, у меня грудь растёт – ты не представляешь! Вот потрогай. Чувствуешь? А между прочим, тракторист-то твой, Леха, знаешь на ком женился? Ни в жисть не угадаешь! На Галке! Ты хоть Галку-то помнишь с кирпичного дома? Ну вот! Ты подольше уезжай, тут и почтальона твоего сведут. А чё? У нас парни знаешь какой дефицит! Я в газете читала: по статистике...

Мать вошла неслышно, босиком, в одной ночной рубашке. Протиснулась и легла между дочками, приказала Насте:

– Все, брысь в свою кровать.

– Ну, мам... – заканючила Настя. – Я ещё не все ей сказала...

– Пошла, пошла! Завтра скажешь. – А когда Настя уползла-ушла, мать повернулась к Алене, обняла её, прижала к себе: – Ничего не говори. Поплачь сначала...

И Алена, порывисто уткнувшись в материнское плечо, действительно вдруг расплакалась – бурно, сразу, словно в ней прорвалось всё, что накопилось за месяцы тверской и испанской жизни.

Мать гладила её по плечам.

– Ничего, ничего... Выбрось этих принцев из головы... Надо жить как все...

30

Утром новый отчим – маленький и пожилой, но энергичный Кузьма Аверьянович – живо завел свой старенький «Запорожец» и запахал в него мать с Артемкой и свою дочь толстушку Веронику, дожевывавшую завтрак и складывавшую книжки в ранец.

– Настя! – суетился он. – Быстрой! Что ты в самом деле? У меня вот-вот педсовет начнётся, а вы тут чухаетесь! Все, поехали! Настя!

Но Настя пролетела мимо машины прямо к калитке и крикнула на бегу:

– Я в школу не еду, я в пикет!

– Стой! Какой ещё пикет? – изумленно спросила мать из машины.

Но Насти уже и след простыл.

– Ну, дурдом!.. – сказала мать.

Кузьма Аверьянович дал газ и выкатился со двора.

Алена осталась в доме одна.

Прошла по горнице и второй комнате, замечая, что тут появились кресло-кровать, старенький письменный стол со стопками ученических тетрадей, книжные полки с книгами.

Постояла у детской люльки.

Взяла с полки одну книжку, вторую... «Педагогика»... «Трудовое воспитание»... «Корифеи философской мысли»... Открыла верхнюю тетрадь в стопке школьных тетрадок. «Как я провела лето. Сочинение»... Выглянула в окно на заснеженную деревню и низкое серое небо, отягощенное грядущим снегопадом... Открыла свой чемодан, достала яркую испанскую открытку с видом Марбельи и заглянула на свою печную завалинку, чтобы повесить там эту красоту. Но оказалось, что там на стене все ее принцы стерты, а вместо них наклеены фотографии модных артистов и певцов в самых нелепых сочетаниях – Леонтьев рядом с Мадонной, Бандерас с Ириной Салтыковой и Суханов с Клаудией Шиффер.

Алена решительно сорвала эти фотографии и вместо них приклеила свою открытку. Затем достала из чемодана плеер, включила его, надела наушники – и новомодная французская группа «113» разом вознесла ее из Долгих Криков ввысь, за низкую облачность. Но Алена, спохватившись, тут же стянула с головы наушники, отбросила их вместе с плеером в чемодан. «Надо жить как все!» – приказала она себе.

Тем временем почтальон Виктор верхом на коне переехал замерзшую речку, поднялся по берегу в Долгие Крики, миновал первый дом, второй и привычно остановился у калитки дома Алены. Спешился, набросил поводья на кол плетня, снял с коня почтарскую сумку, извлек из нее пачку писем и пошел с ними к дому, но вдруг замер.

Навстречу ему выходила Алена – куртка внаброску, платок на плечах. Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

– Здравствуй, Витя, – сказала наконец Алена.

– Т-ты... ты приехала? – не верил своим глазам Виктор.

Алена усмехнулась:

– Как видишь. Ого, сколько писем! Это мне?

– Нет, все Насте, от солдат, – заторможенно произнес он и, не отрывая от Алены влюбленных глаз, отдал ей письма. – Алена...

Проглядывая конверты, Алена отозвалась:

– Да, Витя...

– Ну, ты это... – Он стал теребить свою шапку. – Ты хоть расскажи, где была, чё видела.

– Где была? Вот с Испании только вернулась.

– С Испании?! – изумился он. – Ну и как там?

– А чё? Нормально. Люди живут.

– Алена...

– Что, Витя?

– Я это... Я теперь на почте за главного, вот коня получил. Покататься хочешь?

Алена смотрела ему в глаза, проглядывая в них свою судьбу, и словно не слышала.

– Что ты сказал?

– На коне, говорю, хочешь покататься?

Она пришла в себя и усмехнулась:

– А то ж!..

Взяла поводья одной рукой, второй ухватилась за луку седла, поставила ногу в стремя и с неожиданной прытью легко вскочила на коня, хлопнула его по боку ладонью и сказала в ухо:

– Пошел!

И конь с неожиданной резвостью вдруг сорвался с места в карьер и полетел по деревне.

– Эй, куда? – испугался Виктор. – Коня загонишь! Он же казенный!

Но Алена, не слыша его, понеслась во весь опор и еще пришпорила коня стремями.

...А потом под сыпью снега Алена и Виктор шли по единственной деревенской улице.

– Конечно, сейчас трудности в государстве, это понятно, – рассуждал Виктор. – Но уже есть движение к лучшему. Нам на почте уже лошадей дали...

Тут он осекся, заметив необычное оживление возле церкви-клуба.

Вход в клуб был забит крест-накрест досками, а рядом с входом стоял Марксен Владимирович, цепью прикованный к церковной ограде и с биркой-плакатом на груди, как у Чернышевского при публичной казни. Только у Марксена на бирке были написаны другие слова, на ней значилось:

**ЖУКОВ!
ВЕРНИТЕ НАРОДУ
ОЧАГ КУЛЬТУРЫ!**

Вокруг Марксена стояли дети-пикетчики, бывшие члены балетного кружка, с аналогичными плакатиками в руках. Среди них торчала и Настя.

И здесь же суетилась группа областного телевидения, состоявшая из телеоператора с камерой на плече и телевизионной журналистки, которая металась с микрофоном между прикованным Марксеном и подошедшим сюда Жуковым.

– Вот уже который месяц длится в деревне Долгие Крики борьба за клуб, – говорила журналистка в телекамеру и в свой микрофон. – Но послушаем председателя сельсовета... – Она повернулась и умело сунула микрофон Жукову. – Господин Жуков, что вы думаете по этому поводу?

– Во-первых, это у нас не деревня, как вы сказали, а уже село, – ответил Жуков. – Это во-первых. А селу положено иметь церковь – действующую и с попом...

– Но у вас же нет попа! – перебила настырная журналистка.

– Пришлют! – убежденно сказал Жуков.

– Хорошо, а теперь спросим другую сторону. – И журналистка подошла с микрофоном к Марксену. – Марксен Владил... – Тут она запнулась и старательно выговорила по слогам: – Вла-ди-ле-но-вич, что вы имеете против открытия церкви?

– Я объявляю голодовку! – заявил Марксен.

– На какой срок?

Но Марксен не дал ей себя запутать.

– Дети не могут без культуры! – сказал он в камеру. – Молодежь нуждается в клубе и дискотеке...

Журналистка, заметив подошедших Алену и Виктора, переключилась на них:

– А вот и сама молодежь! Девушка, что нужно вашему селу – церковь или дискотека?

– Лично нам сейчас поп нужен, – заявила Алена.

– Поп? – удивилась журналистка. – Зачем?

– А свадьбу сыграть.

Виктор воззрился на нее в изумлении:

– Свадьбу? Чью свадьбу, Алена?

Алена вздохнула с мукой:

– Догадайся, Витя!

31

Да, была свадьба – гремели бубенцы, жарила гармонь, пел-кричал горластый тракторист, и свадебный кортеж был лих и богат – впереди розвальни с разукрашенным Викторовым конем, в санях жених в черном костюме и бабочке под овчинной шубой и невеста в овчинном же кожухе-полушубке поверх белого свадебного платья. За ними катил «Запорожец» Кузьмы Аверьяновича, нового отчима Алены, со всей ее семьей – матерью, Настей, сводной сестрой Вероникой и Артемом. Потом ехала старая, послевоенных времен «Победа» с Жуковым, Марк-

сеном Владиленичем и родней Виктора. А за ними на тракторе с прицепом – сельская молодежь, горластый гармонист с аккордеоном:

Как на свадьбе у Алены
Выпил лишку мой миленок!
Я миленка не сужу —
Спать с невестой положу!

Девчата хором подхватывали:

Здорово, здорово
У ворот Егорова,
А у наших у ворот
Все идет наоборот!..

По замерзшей речке кортеж перебрался на другой берег и через заснеженный лес – с криками, частушками и хохотом – покатил в Черные Грязи, где была церковь с попом.

Но внезапно какой-то «газик» с милицейской раскраской догнал кортеж и стал гудеть трактористу, требуя уступить дорогу.

Молодежь в прицепе хмельно отмахивалась и дразнила милиционеров частушками:

А я в милиции служу —
От полковника рожу!
Взяли чернобровенькой,
Стала подполковником!..

Но менты продолжали гудеть и даже включили сирену.

Пришлось трактористу взять в сторону, уступить дорогу.

С помощью сирены менты обогнали трактор, потом «Победу», потом «Запорожец» и наконец сани с женихом и невестой. Но вместо того чтобы умчаться дальше, вдруг развернулись, перекрыли дорогу.

Виктор, натянув поводья, с трудом остановил разгоряченного коня – тот всхрапывал, пускал пар из ноздрей, недовольно размахивал хвостом и бил копытом дорогу.

Но менты на коня – ноль внимания, а выйдя из машины, прямоком подошли к розвальням. Старший, с погонами старлея на полушубке, сказал невесте:

– Бочкарева Алена Петровна?

– Ну... – сказала Алена.

– Вы задержаны. Пройдемте.

– Как это «задержана»? Почему? – опешили Алена и Виктор.

– На каком основании? – вмешался, подойдя, и Кузьма Аверьянович.

– У нас приказ, – ответил ему старлей. – Немедленно доставить ее в Москву, в прокуратуру.

– Но у них же свадьба! – возмутился и подошедший Жуков.

– Придется отложить. – И старлей показал Алене на милицейский «газик»: – Прошу!

Алена прошла валенками по снегу, и милицейский «газон» увез ее от недоумевающих родственников, гостей свадьбы и опешившего Виктора, который только в последний момент сообразил схватить со дна розвальней какой-то пакет и крикнуть Алене вдогонку:

– Алена, туфли! Туфли забыла!..

Москву заштриховала влажная, с тяжелым снегом поземка. Прокатив сквозь нее по Ленинградскому шоссе, милицейский «газик» сначала застрял в постоянной пробке у Белорусского вокзала, потом все-таки пересек Тверскую и через утопающие в сугробах Лесную и Новослободскую улицы подъехал к воротам Бутырской тюрьмы.

Здесь, в следственном кабинете с зарешеченным окном и голыми стенами, не было никакой мебели, кроме стола следователя и двух стульев. На столе стояла электрическая пишущая машинка «Москва», возле нее лежали диктофон и стопка бумаг. За столом сидел следователь, напротив него – Красавчик, он же Аленин Принц.

Алене сесть не предложили, ввели в комнату и оставили стоять у двери.

Она была в валенках и в белом свадебном платье, полшубок с нее сняли еще до этого, в караулке.

Следователь, глядя в бумаги на своем столе, нажал на кнопку диктофона и сказал буднично-заученным тоном:

– Я, Карпов Алексей Борисович, следователь по особо важным делам Прокуратуры Российской Федерации, провожу очную ставку. Присутствуют: свидетельница Бочкарева Алена Петровна и подозреваемый Орловский Игорь Алексеевич. Свидетельница Бочкарева, посмотрите внимательно на этого человека. Скажите: при каких обстоятельствах и где вы с ним познакомились?

Алена молчала, смотрела в глаза Красавчику.

– Гражданка Бочкарева, – повторил следователь, – ставлю вас в известность, что за отказ от показаний или за дачу ложных показаний вы можете быть осуждены по статьям 307-й и 308-й Уголовного кодекса – приговорены к лишению свободы сроком до пяти лет. Вам ясно?

– Ясно... – глухо отозвалась Алена, не отрывая взгляда от Красавчика.

– Повторяю вопрос. Где и при каких обстоятельствах вы познакомились с этим человеком?

– Я... – медленно сказала Алена, глядя Красавчику в глаза, – не знакома... с этим человеком.

Следователь впервые поднял на нее глаза:

– Как это «не знакома»? Вы были в Испании?

– Была...

– И вы были в Марбелье, в ресторане... – Следователь заглянул в бумаги. – В ресторане «Марбелья краб».

– «Клаб», – поправила Алена. – Была.

– «Клаб», «краб» – не важно! Вы справляли там свой день рождения?

– Справляла...

– Так как же вы говорите, что не знаете этого человека? Вы же там танцевали с ним!

– Я, – твердо сказала Алена, не отводя глаз от Красавчика, – не знакома с этим человеком!

Следователь повернулся к Красавчику:

– А вы, Орловский? Вы знаете гражданку Бочкареву Алену Петровну? Или вы с ней танцевали, не познакомившись?

– Я вижу ее первый раз в жизни, – ответил Красавчик, тоже глядя Алене в глаза. – А платье на вас красивое, девушка. Замуж выходите? Поздравляю с законным браком.

– Прекратите посторонние разговоры! – пресек следователь. – Бочкарева, имейте в виду: я поставил вас в известность о последствиях. Спрашиваю в последний раз: знаете ли вы этого человека?

– Я, – снова твердо сказала Алена, так за все время и не оторвав взгляда от глаз Красавчика, – не знаю этого человека. И знать не хочу.

Когда ее выпустили из Бутырки, было всего три часа, но уже темнело. Дверь тюремной проходной захлопнулась за ее спиной, громко клацнул внутренний засов, и Алена оказалась на свободе, одна посреди Москвы – без копейки денег, в валенках и в овчинном кожухе поверх свадебного платья. Спросив у кого-то дорогу, она пешком пошла по снежной жиже на Ленинградский вокзал. Прохожие с недоумением оглядывались ей вслед. Дважды возле нее притормаживали джипы со стриженными «бобриком» водителями и предложением подвезти. От «подвезти» Алена отказалась. Потом рядом притормозил «Москвич», из него высунулась голова какого-то парня.

– Эй, невеста! Как тебя? Жигулева? Очакова?

Алена остановилась, взгляделась – это был тот самый оператор, который в Твери снимал ее видеописьмо западным женихам.

– Бочкарева я, – сказала она.

– Ну! Я же помню – пивная фамилия! Садись, подвезу! Ноги небось насквозь!

Поскольку валенки уже действительно были насквозь, Алена не долго думая села в машину. Оператор тронул свой «Москвич».

– А я еду и думаю: надо же, какая ненормальная – в валенках и в свадебном платье! А это ты! Куда тебе?

– На Ленинградский вокзал.

– Можно. Мне по дороге. Слава меня зовут, Вячеслав. А тебя?

– Алена.

– Значит, нашла себе мужа. Через агентство или так?

– Так...

– Ну и кто он? Из какой страны?

– Из России.

– Иди ты! Русский? И чем занимается?

Но Алене почему-то не хотелось об этом говорить, она уклонилась:

– Не важно...

– Как это «не важно»? Вот те раз! Бандит, что ли?

– Нет.

– А кто же? Бандиты сейчас лучшие мужья считаются. И богатые, и живут недолго. А твой-то кто? А?

– Ну, почтальон...

– Чего?! Ты что, сдурела? – Вячеслав даже остановил машину и уставился на Алену. – На тебя же заявки были! Из Афин, из Норвегии и даже из этой, как ее, Калифорнии! Тебе что, не передавали? Мы же в твой клуб раз десять звонили, я лично звонил! Там этот менеджер, как его? Костя, правильно?

Алена кивнула.

– Ну! – сказал Вячеслав. – Вот скотина! Хотя, конечно, зачем ему тебе передавать, что на тебя заявки со всей Европы? Дурак он, что ли? Значит, так, подруга! – И Вячеслав решительно развернул машину. – Почтальон отменяется! Мы едем в наше бюро, тебе на роду написано выйти замуж за миллионера! И скажи спасибо, что ты меня встретила...

Хозяйка бракопосреднического бюро «Женихи из Европы» оказалась удивительно похожей на знаменитую актрису Ларису Удовиченко, а ее квартира на Качалова, где располагалось бюро, выглядела как реклама евроремонтов в журналах «Домовой» и «Космополитен». В рабочем кабинете компьютер постоянно включен на прием электронной почты, стеллажи с аль-

бомами и каталогами, ящики-вертушки с картотекой, два телефона, факс-машина, сигареты «Давидофф» и импортные журналы на журнальном столике, а на стенах фотографии хозяйки в обнимку с Чаком Норрисом, Дональдом Трампом, Филиппом Киркоровым и Владимиром Жириновским.

Открыв раздвижную, во всю стену, дверь гардероба, она снимала с вешалок одно платье за другим, цепким взглядом примеряла их на Алenu и говорила:

– За кого ты замуж выходила? За почтальона? Вот это примерь... Нет, ты вообще соображаешь, где ты живешь? Ты посмотри на себя! Тебе, если похудеть, знаешь какая цена в Европе! А ты тут себя заживо хоронить собралась...

– Ну почему хоронить? – вяло возражала Алена.

– А потому! Отсюда сваливать нужно, пока есть возможность!.. Нет, это тебе не очень, примерь вот это... – И хозяйка бросила Алene другое платье, с молнией во всю спину. – Но имей в виду: на тебя есть спрос, пока тебе восемнадцать, у меня на тебя одиннадцать заявок было! Только спрос этот не вечен, учти! Еще год-два и – все! Новые девочки каждый год, как грибы, подрастают и гонят нас с базара... Дай я тебе молнию застегну. Да, это платье тебе как раз, переходим к обуви. Попробуй эти сапоги, они итальянские... А в России... Ты думаешь, я тут не пыталась честно жить и работать? Но эти козлы – что раньше, при Софье Власьевне, что теперь – одно и то же. Он тебя берет на работу, но с одним условием: «У меня командировки, вам придется со мной ездить!» То есть спать с ним за зарплату секретутки. И в модельном бизнесе то же самое, и в кино, и где хочешь. Уж сколько нас, красивых, имеют – никого не имеют! И выходит, что у нас есть только три способа жизни: проституция, спонсор и муж. Но проституция и спонсор – это когда они нас имеют, а муж – это когда мы их имеем. Все, эти сапоги твои, носи на здоровье. Только вот здесь распишись, в контракте...

– А что это?

– Да формальность: если я тебя выдам замуж за миллионера, вы с ним мне чуть-чуть на старость отсыплете. Вот здесь распишись и здесь...

– А можно я почитаю?

– Нет, это по-английски.

– Ничего, я понимаю.

– Ладно, потом подпишешь. – Хозяйка отняла у Алены трехстраничный, с убористым английским текстом контракт. – Тебя, собственно, какие страны интересуют?

– В каком смысле?

– Ну, жениха тебе где искать? Ты где хочешь жить?

– Ну, где? – затруднилась Алена. – Ну, в Париже, я французский знаю.

– Хороший город. А еще где?

– Ну, в Испании красиво, конечно...

Хозяйка подошла к столу с компьютером, постучала по клавишам кийборда, и на экране возникли стоп-кадры из того видеописьма женихам, которое Алена записала в Твери.

– Вот, – сказала хозяйка, – видишь твой файл? А вот на тебя заявки по электронной почте, смотри: Уругвай, США, Норвегия, Греция, Италия, даже Япония! Я на тебя уже какой месяц работаю! Значит, записываю: предпочтительная страна – Франция, город – Париж. Запасной вариант: Испания... – Телефонный звонок оторвал ее от компьютера, она послушала и сказала в трубку: – Ясно, уже едем! – И повернулась к Алene: – Собирайся! Поехали!

– Куда?

– На показ, жених приехал! Живо! Let's go!

– А как же контракт?

– Потом подпишешь! Поехали!

* * *

– Личное счастье, чтоб ты знала, просто так на голову никому не падает, – говорила хозяйка, ведя свой «форд-таурус» по Крымскому мосту в сторону Замоскворечья. – Его искать надо, и надо еще *уметь* искать! А мы умеем, у нас столько благодарностей от клиенток! Я же по всей стране работаю, у меня операторы даже до Камчатки добрались! Ты мексиканские сериалы смотришь?

– Ну, иногда...

– Ну вот! Мексика – это вообще сказка! Пальмы, солнце, а мужчины – с ума сойти! И курорты – Акапулько, Канкун, звездануться можно! Я в Канкуне на дельфинах плавала, ей-богу! И Америка рядом – Калифорния, Лас-Вегас! Ты Альфонсо помнишь? Ну, из сериала. Который на Клавдии женился, красавец такой, с усами – помнишь? Я тебе точно такого нашла! Богатый, одинокий и – мексиканец! Натуральный! Полный отпад!

– Но ведь мы про Париж говорили...

– Да, говорили. Но Париж, честно говоря, уже не то! Туда столько арабов понаехало – оттуда теперь сами французы бегут. И кроме того, в Париже что? Летом жара, как в Москве, даже хуже. А зимой слякоть – вот такая же, как здесь. А в Мексике – климат! Не сравнить! – За Крымским мостом она развернула свой «форд» и подкатила к гостинице «Балчуг». – Пошли!

Оставив машину на стоянке, они, как цапли, поскакали в своих сапожках по киселю снежной слякоти к парадному входу гостиницы. Хозяйка на ходу говорила:

– Ну! Разве это страна для красивых женщин? Нет, в Мексику, в Мексику нужно драпать! Пока берут! – И, войдя в теплый и роскошный, отделанный белым мрамором и бронзой, вестибюль отеля, воскликнула: – Вот! Вот как должны жить красивые женщины! А вот и переводчица твоего жениха! Привет, Стелла! – Она щечками коснулась щечек подошедшей переводчицы и представила ей Алену: – Вот моя принцесса! Только, пожалуйста, дорогуша: нам *первое* место! Ты понимаешь: я соответствую.

Стелла утвердительно кивнула и позвала двух юных девушек, скромно сидевших в вестибюле на краешке кожаного дивана:

– Пойдемте, девушки.

Девушки встали. Это были явные провинциалки – в московшвеевских суконных пальто колоколом и в ботиках с белыми разводами от соли и грязи.

Хозяйка бюро издали оглядела их уничижительным взглядом и негромко сказала Алене:

– Эти не пройдут. Все, Алена, бери свой шанс! И помни: нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим! Ни пуха!

– К черту! – улыбнулась Алена и пошла за Стеллой.

Стелла, молодая и не по годам деловая брюнетка в строгом костюме, подвела к лифту Алену и двух ее конкуренток. Девушки явно нервничали и ревниво поглядывали на Алену. В лифте перед зеркалом одна из них, маленькая, сняла шапку, расстегнула свое жуткое пальто и вдруг оказалась русской красоткой с обертки шоколада «Аленка» – васильковые глазки, нежное личико, тонкая шейка и длинные, замечательные русые волосы, уложенные, правда, каким-то нелепым «каре». Вторая девочка была казанской татаркой и тоже с какой-то ужасной провинциальной прической «халой», сделанной, конечно, специально для встречи с заморским женихом.

– Знакомьтесь, девочки, – сказала Стелла в лифте. – Олеся из Питера, Дина из Казани, Алена – ты откуда?

– Тверь, – сказала Алена.

Девушки снова ревниво оглядели друг друга в зеркалах кабины лифта.

– Запомните, – сказала Стелла, – его зовут синьор Карлос Мигель де Талавера Страдо. Так и обращаться, ясно?

Алена и девушки кивнули.

– И еще. В вашем распоряжении час, потом придут следующие. Поэтому никаких вольностей себе не позволять, пить только один дринк, еду не заказывать. А то некоторые приходят как в ресторан. Он этого не любит.

В коридоре, по дороге к номеру, девушки вообще замандражировали, а татарку Дину даже дрожь пробрала.

– Ой... – сказала она, стуча зубами. – Й-й-я боюсь...

Олеся молча перекрестилась.

Алена, расстегнув свой кожан-полушубок, одернула на себе платье, задирающееся на бедрах.

Стелла придирчиво осмотрела всех троих, поправила на Алене шарфик, сказала всем «Ни пуха! С Богом!» и постучалась в дверь. Из номера мужской голос ответил что-то по-испански. Стелла открыла дверь, за дверью была большая прихожая номера-люкс. Зеркала, паркетный пол, красивые бра, вишневое дерево каких-то полочек для обуви, стенной шкаф для верхней одежды, раскладная подставка для чемодана.

– Раздевайтесь, – сказала девушкам Стелла. – Вешайте сюда.

Девушки быстро сбросили свои пальто, сунули их в стенной шкаф и стали перед зеркалом поправлять косметику. Без пальто Олеся оказалась крохотной куколкой в дешевом платье и нелепых ботах. А Дина – плоскогрудой, без шеи, и ноги далеко не прямые. Почувствовав свое превосходство, Алена снова одернула платье, задирающееся на бедрах, объемы которых явно превосходили объем зауженной юбки.

– Всё, всё! – торопила Стелла. – Пошли. Он ждет.

Но, шагнув к гостинной, Олеся и Дина замялись: под ногами был чистейший до янтарного блеска паркет, а у них на ногах – боты и тяжелые сапоги с белой каймой на носках.

– Туфли надо брать с собой, – сказала Стелла.

– Кабы были туфли... – заметила Дина.

– Снимайте обувь! Не в этих же тракторах по паркету!

Олеся и Дина стали покорно разуваться, неловко присев на подставку для чемодана. Стелла поглядела на модные итальянские сапоги Алены:

– Ты можешь так...

Толстые колготки Дины оказались с дыркой на носке, она поспешно стянула их с себя и сунула в голенище сапога, оставшись вообще босой.

Стелла фыркнула и с индифферентным лицом пошла вперед.

Девушки, стараясь ступать как можно легче, робко пошли за ней.

Синьор Карлос Мигель де Талавера Страдо картинно стоял у окна с видом на Кремль. Он оказался обрюзгшим толстяком лет пятидесяти, с широким и безусым бабьим лицом и с какой-то странной, пятнами, пигментацией кожи. Но мексиканский колорит тоже присутствовал – на нем были джинсы, широкий кожаный пояс с серебряной пряжкой, желтый летний пиджак и расстегнутая почти до пояса клетчатая рубашка-апаш. На седой волосатой груди – золотая цепь с бляхой, изображающей солнце, а на ногах – ковбойские тупоносые ботинки на высоких каблуках.

– Вот, синьор, еще три девочки, – сказала ему Стелла по-испански.

Синьор, выдержав паузу, медленно пошел через роскошь своего дорогого люкса прямо на девушек. Остановился в трех шагах от них и стал не спеша, с головы до ног, осматривать сначала Олеся...

(Олеся зарделась до корней волос, опустила глаза, ухватила ладошками за свои пылающие щеки.)

Потом Дину...

(Дина не оробела, но спрятала одну – грязную – ногу за другую...)

Затем Алену.

Алена, имевшая опыт выступлений в ночном клубе, ответила на его взгляд легкой полуулыбкой.

Карлос Мигель еще раз осмотрел ее сверху вниз и снизу вверх. Потом повернулся, сел-разлегся в кресле, положил ноги в ботинках на журнальный столик и сказал что-то Стелле по-испански, но с таким акцентом, что Алена, частично освоившая испанский в марбельской тюрьме, не поняла ни слова.

– Вы можете сесть на диван, – перевела Стелла девушкам.

Они – все трое – сели на краешек дивана. Олеся негромко выдохнула:

– Боже, какой урод! Я сейчас умру...

Стелла зыркнула на нее строгими темными глазами, а синьор Карлос Мигель де Талавера Страдо, закрыв глаза, заговорил по-испански – монотонно и с каким-то снисходительно-брезгливым выражением на лице. Стелла заученно переводила:

– Он благодарит вас за приезд. Иногородние получают компенсацию за проездные билеты в оба конца. Россия ему нравится, несмотря на ужасные морозы. Он богатый человек, у него трехэтажный дом недалеко от границы с американским штатом Техас...

Карлос Мигель открыл глаза и, глядя на Алену, продолжал словно только для нее. А Стелла переводила:

– ... У него своя нефтяная скважина, которая приносит большой доход. Его жена не будет работать, всю домашнюю работу у него делает прислуга. Он холост уже восемь лет, у него не может быть детей, но с сексом у него все в порядке. Его жена будет иметь машину «мерседес», скаковую лошадь, кредитные карточки, членство в фитнес-клубе и полную медицинскую страховку, включая дантиста. А если кто-то думает, что, поехав с ним в Мексику, сможет сбежать потом в Америку, как сделала два года назад одна болгарка, то про это нужно забыть, это уже невозможно и будет оговорено в брачном контракте.

Карлос Мигель снова откинулся в кресле и продолжил, закрыв глаза.

– Какие будут обязанности у его жены? – переводила Стелла. – Секс не меньше трех раз в неделю, включая оральный. Завтрак и обед обязательно совместный, ужин – по желанию...

Она еще что-то говорила, но Алена уже не слышала ее. Она смотрела на этого Карлоса, на его надменное бабье лицо, пигментные пятна на лбу, седые волосы на груди, выпирающий над ремнем живот, толстые пальцы с перстнями... И вдруг... Вдруг Алене послышалась мелодия из французского фильма «Мужчина и женщина», и она увидела, как под эту прекрасную романтическую музыку этот толстый, тяжелый старик Карлос Мигель де Талавера Страдо прессирует ее в постели... мнет своими лапами ее грудь и бедра...

— Ну, милочка! – возмутилась хозяйка брачного бюро, когда Алена явилась к ней за своим платьем и валенками. – На вас не угодишь! Если тебе уже и Мексика не подходит!..

– Я хочу уехать домой. Вот ваше платье...

– Спокойно! Куда-куда, а в Тверь ты всегда успеешь. Что ты у меня просила? Францию? Я тебе Швейцарию нашла, это рядом, но еще лучше! Мужик – супер! Бизнесмен! Ведет дела с Россией, по-русски говорит, как мы с тобой, держит постоянно люкс в «Космосе» и летает туда-сюда, будешь с ним кататься из Женевы в Москву и обратно! Я бы за него сама вышла, но он хочет не старше двадцати. Идиот!.. Только имей в виду: весь этот наш русский гонор выкинь из головы! Ни Брюс Уиллис, ни даже этот француз – как его? в рыжем ботинке – сюда за невестами не приедут, на них и там девок хватает. Сюда едут другие, поскольку мы тут, спасибо нашим мужчинам, живем в полном дерьме. Но если ты решила, что жизнь дороже

звона кремлевских курантов, то какое имеет значение – толстый у тебя будет муж или худой? Конец у них у всех один – инфаркт. И тогда ты – наследница, а такая овчинка стоит выделки!

И, сидя за столом с компьютером, она протянула Алене выползший из факс-машины лист бумаги с фотографией Алены и размашистой надписью «YES!!!» сбоку от нее:

– Ну что? Берешь Швейцарию?

Алена, поколебавшись, взяла эту бумагу, на ней был адрес гостиницы «Космос» и время ее визита к мсье Гюнтеру Шерру – 19.00.

В 19.00 охранники «Космоса» с нагрудными бирками «Секьюрити» остановили Алenu.

– Вы к кому?

– К Гюнтеру Шерру из Швейцарии, номер 1237.

Они оглядели ее с головы до ног.

– Паспорт.

Алена подала им свой паспорт.

Они полистали его.

– Так, московской регистрации нет...

– Ну и что?

– А то, что не полагается без регистрации, вот что!

– А может, я завтра из Москвы уеду...

Охранник усмехнулся:

– И далеко?

– Ага! – с вызовом сказала Алена. – В Швейцарию.

– Ну-ну... – Он отдал ей паспорт и отступил, пропуская в гостиницу. – Попутного ветра.

Алена вошла в гостиницу. Здесь, в вестибюле, была обычная суета приезжих среднего достатка – мелкие бизнесмены, командированные, небогатые иностранцы. Да и уровень интерьера на два порядка ниже «Балчуга». Хотя гуляли тут и явно дорогие московские девочки – «откалиброванные» сытым образом жизни, валютными клиентами и местной «крышей».

Выстояв очередь к лифту, Алена поднялась на двенадцатый этаж, подошла к двери с табличкой «1237». Нужно собраться, изготoвиться к бою. Она размяла плечи, как учил делать Марксен Владиленович перед выходом на сцену, набрала воздуха, «надела» лицо безмятежной юности и – постучала.

Мужской голос ответил издаleка, но громко:

– Выходите! Выходите!

Алена озадаченно заколебалась – входить или уходить? Потом неуверенно открыла дверь.

Номер выглядел совершенно не по-гостиничному, а скорее как обжитая квартира богатого холостяка. Тигровая шкура на полу, нижний свет от торшеров, бар на колесиках с масcой иностранных бутылок, кресло-качалка, два дивана углом со стопками цветных журналов, стол с какой-то вазой и остатками недавнего ужина с выпивкой, на стенах зеркало и картины с обнаженными пышными красотками прошлых веков. Включенный телевизор с программой Си-эн-эн, но без звука, вместо него звучал магнитофон с негромким джазом.

С минуту в комнате никого не было, потом Гюнтер выскочил из ванной с переносным телефоном в руке, по которому он говорил с кем-то по-немецки. Он был среднего роста, плотный, но не толстый – с фигурой, сохранившей память о юношеских занятиях боксом или борьбой. На нем был спортивный костюм, тапочки на босу ногу, на плече – банное полотенце. Но главным в этом немце была его голова – круглая, как шар, и абсолютно лыcая. Махнув Алене на вешалку, диван и бар на колесиках, он тут же убежал обратно, громыхая в трубку своим немецким.

Алена сняла полушубок, повесила на вешалку в прихожей и посмотрела на себя в зеркало. Платье снова пришлось одернуть на бедрах, ох уж эти бедра!.. Но самое главное, не смотреть на его лысину. Сколько ему лет – 40, 45?

– О! Ошен карашо! Ошен!.. – прозвучало у нее за спиной.

Алена оглянулась.

Гюнтер, оказывается, уже давно стоял в гостиной и смотрел, как она приводит себя в порядок.

— Ты ошен красивый девушка! Русский красавец! Мой имья Гюнтер, твой имья Альона, я знаю. Я лублу твой имья. Садис суда, на диван. Что ты выпиваеш? Водка? Джин? Шнапс?

Алена села на край дивана.

– Сок, если можно.

– Сок – нелзя! – Гюнтер выдержал паузу и засмеялся: – Шутка! – Он налил в бокал апельсиновый сок и добавил бренди. – Сок можно, но немношко с алкоголь. Ошен вкусно, называется «манки милк», как это по-русски?

– Обезьянье молоко, – перевела Алена.

– Обези... Нет, сказат не можно! – Он засмеялся и чокнулся с ее бокалом. – За здоровье!

Алена отпила чуть-чуть.

Гюнтер запротестовал:

– Нет! Так пит не можно! Нужно пит по-русски – до дна! Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!

Алена, принужденно улыбнувшись, выпила.

Гюнтер зааплодировал.

– Зер гут! Ешо рас! – И он налил себе и Алене, распевая: – Ешо рас, ешо рас, ешо многа-многа рас! – Чокнулся с Аленой и выпил. – За здоровье!

Но Алена не стала пить.

– Нужно пит! Пей до дна! – стал требовать Гюнтер.

– Не нужно, – сказала Алена.

Гюнтер отставил свой бокал.

– Карашо. Русский девушка – ошен упрямый, я знаю. Русский девушка лубит пет, гаварит, смотрет звезд на небо. Германский мужчин не такой. Мы лубим работат, работат, работат и – много секс. Много! Видиш, как я живу? Я ошен карашо живу, имей много денги. Я могу купит этот отел, я иметь три такой отел в Швейцария. Потому што я много работат, много! Русский не лубит работат, русский не может делат кароший секс...

Телефонный звонок в другой комнате прервал этот монолог.

– Пей. Я бистро... – сказал Гюнтер, нажал какую-то кнопку на пульте дистанционного управления телевизором и убежал в другую комнату, возможно, спальню.

По экрану телевизора побежали полосы не то перемотки кассеты, не то ракорда.

Алена протянула руку, взяла с дивана ближайший журнал, открыла. Порно, которое она увидела, было чудовищно даже для бывшей стриптизерши ночного клуба «Монте-Карло». Она испуганно захлопнула журнал, но потом, после паузы, медленно открыла снова. И стала листать, рассматривая иллюстрации то с ужасом на лице, то с отвращением, то с любопытством, то снова с отвращением... А подняв глаза на включившийся звук телевизора, увидела то же самое и на экране, только в движении и под музыку...

Тут вошел Гюнтер – в одних алых плавках, туго обтягивающих увесистый пах. Взяв свой бокал и бутылку с бренди, подсел к Алене на диван.

— Карашо! Русский девушка лубит сначала много гаварит, мы будем много гаварит. Почему все молодой русский девушка ехат в Европа? Потому што русский мужчин не может делат кароший секс, русский мужчин – капут! А молодой девушка нушно секс, много секс! Пей до дна, я буду делат кароший секс, много секс. – И он распустил молнию на спине у Алены.

Алена отшатнулась:

– Стоп! В чем дело?

Но Гюнтер уже ловким и отработанным движением стягивал платье с ее плеч.

– Give me a kiss! ²– И, схватив ее одной рукой за затылок, а второй за грудь, полез целоваться. – Give me a kiss! Я тебя хочу...

Алена, мыча и дрыгая ногами, вдруг ощутила, что не может вырваться, что хватка у этого немца действительно нерусская, стальная.

А Гюнтер уже налег на нее всем телом, повалил на диван, придавил своим весом и впился мокрым ртом в ее губы...

Но тут руки Алены, слепо шаря в воздухе, нащупали на столике бутылку бренди... скользнули к горлышку этой бутылки... привычно ухватили ее и... давно, еще в Долгих Криках, отработанным ударом Алена со всей силы стукнула немца по темени.

Он обмяк и свалился с дивана.

Алена, на ходу застегивая платье, бросилась к двери.

Хозяйка бюро «Женихи из Европы» не впустила ее в свою квартиру, а просто вышвырнула за дверь свадебное платье и валенки. Алена подобрала их, подумала, потом вызвала кабину лифта, переделалась в этой кабине и бросила под дверь хозяйки ее платье на молнии и итальянские сапоги.

33

Зимой московские вокзалы забиты не столько пассажирами, сколько беженцами, переселенцами и бомжами. К ночи тут уже яблоку негде упасть: люди спят на лавках, на подоконниках, на полу, на чемоданах. Скулят и режут дети, кто-то скандалит из-за места, кто-то уговаривает проститутку «за так», а кто-то – за кагор. Радио жестяным голосом объявляет прибытия поездов и посадки на экспрессы в Мурманск, Санкт-Петербург, Вильнюс...

Отчаявшись уговорить проводников бесплатно довезти ее до Твери, Алена подстерегла в зале ожидания какой-то только что освободившийся закуток в углу, пристроилась на полу, вытянула ноги и устало закрыла глаза...

Но каждые два часа – милицейский обход. Едва милиционеры появляются в одном конце зала, как опытные обитатели вокзалов тихо поднимаются со своих теплых мест и без спешки, с видом деловых пассажиров гуськом тянутся к выходам, перемещаются на соседние вокзалы – Казанский или Ярославский.

Алена, однако, не знала этих уловок, она спала. Милиционеры, делая обход, проверяли у пассажиров паспорта и билеты и приближались к ней. Наконец один из ментов подошел к Алене, пошевелил ее носком ботинка.

– Подъем! Документы!

Алена села, сонно встряхнула головой.

– Паспорт! Билет!

Алена порылась в кармане своего кобуха и протянула паспорт.

– А билет?

– Билет я еще не купила.

– Так, билета нет. Пошли.

– Куда?

– Встали! Встали! – Мент подтолкнул ее ботинком. – В отделение!

– Почему? Это же зал ожидания! Я тут жду...

² Поцелуй меня (англ.).

– Уже дождалась! Пошли!

— А что? – поднялась Алена. – Я не имею права?

– Иди-иди! Там разберутся, что ты имеешь. – И, сунув ее паспорт в карман, мент пошел в сторону правого выхода на перрон.

Алена поневоле двинулась за ним.

А там, у прохода, уже стояла группка таких же, как Алена, задержанных. Всех их, гуртом, милиционеры повели в сторону перрона, но перед самым выходом остановили у двери с табличкой «**Линейноеотделениемилиции**».

В отделении дежурный старлей, сидя за столом и держа сигарету в уголке рта, небрежно, с прищуром от дыма, пролистал Аленин паспорт.

– Ну что? Московской прописки нет, регистрации тоже нет. И билета нет. Нарушение режима пребывания в Москве. На первый раз штраф триста рублей.

– У меня нет денег, – сказала Алена.

– У всех нет денег, а все живут, – философски заметил старлей. – Посидишь в «обезьяннике» – найдутся.

– Отпустите меня. Мне негде их взять. Я домой уеду.

– Выходит, все-таки есть на билет?

– Нет, я зайцем уеду.

– А за безбилетный проезд знаешь какой штраф? Короче, у нас тут все просто и по закону: или за решетку, или... – он кивнул на телефон, – звони, пусть тебе привезут деньги.

– Мне некому звонить.

– Ничего. Посидишь – найдется. – И старлей приказал дежурному: – Сашок, отведи ее. Следующий!

34

«Обезьянник», то есть, простите, КПЗ, – это вам не Испания! Маленькая и глухая бетонная комната без окон, без коек, без лавок – без ничего. Только в двери «намордник» – плексигласовая форточка, через которую дежурный видит задержанных.

На полу, на бетоне – подложив под себя что можно (газеты, шапки, платки или пальто) – впритык сидели и лежали двадцать, если не больше, девчонок от 15 до 25 лет. Холодно, КПЗ почти не отапливается, девочки группками жались друг к другу, изо ртов шел пар.

– Ты чья? – спросили у Алены.

– В каком смысле? – переспросила она.

– Ну, с какой точки?

– Да она не наша. Вы что, не видите ее ногти, что ли? Кто из наших такие ногти носит?

Алена рефлекторно спрятала свои ногти, давно забывшие о маникюре.

Они поинтересовались:

– А закурить не дашь?

– Я не курю.

Тут они разом потеряли к ней интерес, и она, помявшись, села на свободный пяточок пола, прислушалась к негромкому разговору двух девочек слева от себя.

– Мужики все козлы, все поголовно, – негромко говорила подружке худенькая блондинка лет восемнадцати. – Меня недавно такой приличный парень взял – при галстукке, в очках! А завез за Окружную дорогу, и там меня вся деревня по кругу пустила – из дома в дом! До утра...

– Всего-то! – усмехнулась молодая татарка справа от них. – Меня летом на Украину увезли...

Клацнула, откинувшись, плексигласовая форточка, в «обезьянник» заглянул дежурный:

– Собинова, на допрос или полы мыть?

В другом конце камеры синеглазая шатенка демонстративно плюнула на пол:

– Тьфу на твои полы! Буду я руки портить?!

– Значит, на допрос, – ухмыльнулся дежурный. – Вставай! На второй этаж.

Синеглазая Собинова поднялась.

– Гуд бай, девочки! Считайте меня коммунисткой.

Дежурный открыл скрипучую дверь, и Собинова вышла.

– Держись! – сказала ей вслед татарка и продолжила, когда за Собиновой закрылась дверь: – Да... вот я и говорю. Меня летом на Украину завезли и месяц в сарае держали, по три гривны всему поселку продавали. А потом залили в горло бутылку самогона, вывезли на шоссе и бросили. Я в Москву три недели добиралась. С шоферами на фурах.

Алена изумленно слушала этот совершенно обыденный рассказ. Потом перевела взгляд на другую группу, справа. Там была своя история, похлеще. Яркая зеленоглазая брюнетка не старше двадцати оттянула лифчик и показала глубокие шрамы на груди.

— Видали? Я в «Метелице» работала, и такая пруха была – за полгода на квартиру собрала, хотела ребенка из Тулы сюда перевезти. У меня сыну пять лет, и такой мальчик сладкий!.. И что? Месяц назад приезжаю утром домой от клиента, открываю ключом квартиру, и тут меня хватают четыре бандита. Затолкали в комнату, привязали к батарее парового отопления и стали пытать, где деньги прячу. Ногами били, сигаретами жгли – я молчала. Но когда стали грудь резать, все отдала. А потом узнала: в Москве, оказывается, новая банда появилась, отслеживают наших ходовых девочек и грабят. Я же не могу на них в милицию заявить...

Снова со скрипом открылась дверь, и в камеру вошла Собинова – шатаясь и чуть не падая. Девушки подхватили ее, опустили на пол.

– Понятно... – протянула татарка. – Сколько же их тебя... допрашивали?

— Восемь... – еле слышно отозвалась Собинова.

– Жейдулина, – сказал дежурный татарке. – Допрос или полы мыть?

Татарка посмотрела на него долгим взглядом и ответила с вызовом:

– Мы вам поломойки?! Полы не моем!

Алена, хлопая глазами, смотрела, как она пошла к двери и как дверь за ней, лязгнув, захлопнулась.

– Татарка их выдержит, – сказала ей вслед зеленоглазая, со шрамами на груди. – А я теперь не могу в «Метелице» работать с такими шрамами, думаю в интим податься. Там спокойней, без геморроев...

– Та ты шо! – воскликнула в другом углу крупная девушка с тяжелой косой, уложенной на голове. – Я тильки з интима збегла! Там же ж як? Охранник бэрэ двух-трех дивчин и йидэ по вызову на хватиру. Клиент выбирае дивчину, розплачуется, и охранник уезжает. Но шо з тобой через пять минут зробят – нихто не знает. От мы з одной дивчиной так зустались, там було два клиента и завроде як порядошные. Но тикы охранник уихав, вони перевезли нас на другу хватиру, а там их вже було пятнадцат чоловик! Вони нас били, имели куды хочь, заставили вдыхать кокаин и показувать им шоу...

Снова клацнула плексигласовая форточка «намордника».

– Вострюкова, Рожковская, Плешнева – на выход, – объявил дежурный. – Ваша «мамка» приехала.

Три девочки встали, в том числе зеленоглазая, которой бандиты резали грудь. Подняв то, на чем они сидели – кто картонку, кто журнал, а кто наплечный платок, – они предложили эти подстилки остающимся.

– Возьми, – сказала Алене зеленоглазая. – А то придатки застудишь.

– Спасибо.

Алена взяла платок, подстелила под себя.

– Кому-нибудь нужно позвонить кому-то? – Зеленоглазая осмотрела остающихся и снова повернулась к Алене: – Тебе?

– Мне некому звонить.

– Тогда ты тут посидишь, детка.

– Быстрей! Быстрей! – сказал дежурный.

– Счастливо, девочки! – попрощалась со всеми зеленоглазая. – Чтоб и вас быстрей выкупили!

Все три выкупленные ушли, высокая худышка с короткой стрижкой сказала из угла:

– А меня вообще не имеют права тут держать. Я несовершеннолетняя, мне еще шестнадцати нет. Но я своему мальчику позвонила на пейджер, он меня выкупит...

Снова со скрипом открылась дверь, вошла татарка Жейдулина. Морщась от боли, но стараясь держаться прямо, она медленно пересекла «обезьянник», села на свое место и, криво усмехнувшись, вытащила из кармана три сигареты, одну протянула Собиновой, вторую закурила сама, а третью подняла над головой:

– Эта на всех! Заработала...

Сигарету тут же взяли, закурили, пустили по кругу.

– Ну! – морщась от боли, затянулась своей сигаретой татарка. – О чем базар?

— Да так... – ответила ей Собинова. – Обсуждаем наше международное положение раком.

– Да уж... – выдохнула дым татарка. – Я иногда стою на улице в линейке перед клиентом и думаю: грёбаный бог, ведь уродку ни одна мамка не выставит в линейку, так? Значит, мы – самые красивые девочки в стране. Мы могли стать невестами, женами, нарожать детей. А нас бросили на улицу и дерут, дерут, дерут...

Синеглазая соседка Алены, получив посланную по кругу сигарету, затянулась и усмехнулась:

– Эти козлы знаете как к нам относятся? Как к евреям, ага! Евреев все не любят, но у каждого есть свой хороший еврей. Вот и к нам, проституткам, такое же отношение. – И она толкнула локтем Алену, передала ей окурочек.

Алена затянулась, передала следующей, та удивилась:

– Ты же сказала – не куришь...

– А я так, согреться.

Клацнула плексигласовая форточка, приоткрылась, дежурный объявил:

– Замаруева!

Несовершеннолетняя худышка вскочила:

– Мой приехал?

– Допрос или полы мыть?

Худышка обмякла, посмотрела на своих товарок.

Они смотрели на нее испытующе, кто-то произнес:

— Мыть им полы западло.

Худышка, вскинув голову, гордо сказала дежурному в «намордник»:

– Мы вам не поломойки!

Дежурный ухмыльнулся:

– Тогда на допрос. Второй этаж.

– Оставьте ее, – вдруг поднялась Алена. – Я вам полы помою.

Дежурный сквозь «намордник» осмотрел Алену с ног до головы.

– Сейчас выясню.

Милиционер исчез, шелкнув форткой.

Алена и несовершеннолетняя худышка стояли, смотрели друг на друга.

Татарка Жейдулина сказала Алене:

- Твоя как фамилия?
- Бочкарева. А что?
- Ничего. Я думала: Матросова.
- Все рассмеялись, и это был нехороший смех, издевательский.
- В двери снова возник милиционер:
- Бочкарева, на выход! Замаруева, останься.

35

Она мыла полы по-деревенски – тряпкой, выжимая грязную воду в ведро. Вода была ледяная, полы – и на втором этаже, и на первом – грязные, затоптанные, заплыванные.

Издали, с вокзального перрона, доносились радиообъявления об отправлении поездов. Старлей подошел к Алене и, раскачиваясь на носках, посмотрел, как она моет.

– Заканчивай.

Алена выпрямилась:

– Почему? У меня еще вон сколько!

– К нам проверка едет. Задолбали уже этими проверками. Вас на Петровку увезут, в управление.

– А там что?

– А там на кого попадешь. Могут и полгода дать, – он усмехнулся, – чтоб полы не мыла.

А могут...

– Что?

– За тебя что, правда некому три сотни внести?

– Некому.

– Жалко... Хотя с другой стороны, что ты тут видела?

Алена выжала тряпку в ведро.

– Я? Я ничё не видела, я полы мыла.

Старлей долго смотрел ей в глаза, потом сказал:

– Спасибо. Если тебя там выпустят, приходи. Я тебя в твою Тверь даром отправлю.

Алена подхватила ведро и пошла вылить его в туалет.

Спустя несколько минут лысый майор-проверяющий и два мента, прикатившие сюда с Петровки, вывели из отделения группу девушек и повели их через зал на выход, в сторону вокзальной площади, где стояла «раковая шейка» из управления милиции. Собиновой и татарки Жейдулиной среди этих девушек не было, старлею удалось их сплавить еще до приезда проверяющего.

По радио объявляли посадку на «Красную стрелу», и навстречу девушкам шел поток уважаемых пассажиров – иностранцы, новые русские, носильщики с тележками, полными кожаных чемоданов, женщины в дорогих шубах. При виде арестанток они, конечно, шарахались в сторону.

Последней из арестанток плелась Алена.

И вдруг она увидела неправдоподобно знакомую фигуру – вдали в шикарном светло-бежевом пальто-накидке а-ля Пушкин и в замечательном смокинге цвета концертного рояля шел на посадку – нет, не шел, а парил своей характерной прямой и легкой походкой – Орловский Игорь Алексеевич, он же Принц, он же Красавчик. Носильщик вез перед ним тележку с двумя фирменными чемоданами из светло-желтой кожи.

Алена бросилась к Красавчику, но один из сопровождающих ментов ухватил ее за плечо.

– Куда?! Стоять!

– Да я сейчас... – рванулась Алена и – вырвалась, бегом кинулась вдогонку за Красавчиком.

Но милиционер догнал ее и кулаком огрел по спине.

От этого удара Алена чуть не брякнулась носом прямо позади Красавчика, а он, не замечая того, что происходит за его спиной, чуть было не ушел на перрон, когда Алена, забыв его фамилию, крикнула:

– Принц!.. Принц!!!

Он оглянулся.

– Принц, пожалуйста!.. – вырывалась она из хватких рук милиционера.

Красавчик, всматриваясь в нее, не верил своим глазам.

– Ты?

— Я! Я! Займите мне триста рублей! Пожалуйста!

У него оказалась быстрая реакция. Глянув на милиционеров и на конвоируемую ими группу девочек, он шагнул к майору, взял того под локоть, сунул ему что-то в карман и тут же, взяв Алenu под руку, повел ее на перрон к «Красной стреле».

Все это произошло так стремительно, что носильщик остолбенело застыл на месте, хлопая глазами. А спохватившись, покатил вдогонку за ними свою тележку с двумя фирменными чемоданами Красавчика. И, поспешая, обогнал в потоке пассажиров двух дюжих мужиков-амбалов, их носильщика с какими-то большими тяжеленными кофрами на тележке и маленького невзрачного человека, который семенил к поезду с самым потертым в мире кейсом в руке...

36

– Поезд «Красная стрела» отправляется в Санкт-Петербург со второй платформы в ноль часов пять минут... – вещал радиоголос.

Алена не могла верить своему счастью. Нет, это сон! Только что она была на самом дне, в «обезьяннике», с уличными проститутками. Только что она мыла заплыванные полы в милиции. И вдруг...

Плюш и бархат купе старинного «СВ»...

Ночной перрон, плывущий за золотисто-батистовыми занавесками широкого окна...

Зеркала над мягкими сиденьями...

Лампа под абажуром...

Тепло...

И – Принц! Ее Принц! Сам! Живьем! Его волшебнo-лучистые глаза! Его голос! Он снимает с нее полушубок...

Нет, это невозможно, это ей снится, это она уснула в «обезьяннике» и видит сон! Боже мой, только бы не проснуться, только бы... что он говорит?

– А? Что вы сказали?

– Ты что, правда замуж выходишь?

– Уже нет...

Красавчик открыл свой замечательный чемодан, извлек из него и отложил в сторону новенькую, еще в прозрачном импортном пакете дубленку, а со дна чемодана достал прекрасное махровое полотенце, спортивный костюм и несколько новеньких, запечатанных в целлофан рубашек, джемперов и свитеров, разложил это все на сиденье.

– Вот. Прими душ и переоденься.

– Да, конечно... Что?! Душ? Где – на станции?

— Нет, здесь. Иди сюда.

Он открыл узкую дверь в стенке купе, и Алена убедилась, что она все-таки во сне, в зазеркалье – за этой дверью была маленькая душевая с зеркалами.

– Хорошо... Конечно... Раз вы просите...

Ясно, что в жизни она не стала бы этого делать, но во сне она не могла его послушаться и представила себе, как будет выглядеть в его шелковой рубашке и кашемировом джемпере.

Тут она вдруг увидела себя сразу и в зеркале над мягким сиденьем, и в зеркале душевой. И ужаснулась своему жуткому виду, опустила плечи, сказала, глядя в черноту окна на редкие огни, проносящиеся мимо:

– Принц, там так страшно... Я не хочу туда больше...

– Куда? В душ?

— Нет, в эту жизнь... Я не хочу...

Ее вдруг пробило слезами.

– Ну что ты! Все, все, не надо, девочка... – Он стал гладить ее по плечам. – Не бойся... Теперь ничего не бойся... Я тебе помогу... Я же твой должник, дважды даже...

– Правда поможете? – воспрянула она и стала утирать слезы.

– Правда. Если будешь слушаться...

– Да я для вас что угодно сделаю!

– Вот и хорошо. А теперь – в душ. Я пока выйду...

Конечно, это было продолжением сна. Откуда в черноте ее жизни – с этими отчимами в Долгих Криках, братанами в «Монте-Карло», польскими бандитами на границе, ментами и проститутками на Ленинградском вокзале, – откуда в этом черном пространстве мог взяться такой волшебный, такой сказочный туннель, по которому, как в кино, мчится этот старинный вагон – весь в бархате, плюше, бронзе, со старыми зеркалами, лампами с абажурами и настоящим душем?!

Недоверчиво повернув кран, Алена вдруг увидела, как из душа пошла вода, попробовала ее рукой и тут же отдернула руку – вода оказалась не только настоящей, но и горячей! И, не рассуждая больше – сон это, не сон, – она сбросила с себя мягкое и грязное свадебное платье и, вышвырнув его в купе, стала под душ.

Долго, растягивая это наслаждение сказкой, стояла она под струями воды и смывала с себя мрачные призраки своей прошлой жизни – и Федора, схватившего ее как-то за грудь с такой силой, что она уронила на землю Артемку; и братков, палящих друг в друга над ее головой в «Монте-Карло»; и марокканцев, избивших Андрея...

Грохотал поезд, летел в ночь, стучали колеса, и вместе с редкими огнями за окном отлетали назад, в ничто все монстры и ужасы, населявшие ее душу: испанские полицейские, арестовавшие ее в ресторане «Марбелья клуб», наручники в самолете «Аэрофлота», следователь в Бутырской тюрьме, «обезьянник» в отделении милиции...

Избавляясь от них, смывая их с себя, Алена словно теряла земное притяжение, становилась легкой и парящей настолько, что запела вслух что-то французское, из Патрисии Каас. Но у нее эта песня зазвучала совершенно иначе, чем у великой французенки, – она зазвучала лукаво и кокетливо, как у мурлыкающей кошки...

37

Отправив Алену в душ, Красавчик озабоченно взглянул на часы, набросил на плечи свое а-ля пушкинское пальто-накидку, вышел из купе, спросил у проводника, где ресторан, и отправился туда.

Вальяжные и в основном пожилые пассажиры «Красной стрелы» ложатся обычно спать почти сразу после отправления, и потому теперь, в этот ночной час, Красавчик не встретил почти никого в коридорах пересекаемых им вагонов.

Только в восьмом вагоне в коридоре у окна стоял пожилой мужчина, одетый с иголочки, с острым и умным взглядом.

Они встретились глазами, и Мозговой проследил, как Красавчик достиг конца вагона и перешел в следующий, в вагон-ресторан.

Постояв еще немного, Мозговой сказал вслух:

– Ладья «Б-4» – на «Б-6»...

Поскольку в коридоре никого не было, то со стороны можно было подумать, что этот человек слегка не в себе. Тем более что спустя минуту он громко воскликнул:

– Как-как? Слон на «А-8»? Эт-то интересно! Сейчас посмотрю...

И быстро исчез в своем третьем купе. Там рядом с окном на столике стояла маленькая шахматная доска с изящными фигурами.

Закрыв дверь купе и присев к этой доске, Мозговой перевел свою ладью на «Б-6», а слона противника – на «А-8». И – задумался.

Тем временем в пустом вагоне-ресторане Красавчик, разглядывая меню, делал заказ бармену.

– Что у вас на ужин?

– Всё. – Бармен показал на меню, вывешенное на стене.

– Гм... Тогда мне, пожалуйста, один жульен из шампиньонов, горячую тарталетку с печеню и чашечку капучино. Это здесь. А с собой, пожалуйста, коробку лучших конфет, бутылку шампанского и два бокала. Поставьте на столик, я пойду руки мыть. – И, поглядев на часы, Красавчик направился из вагона-ресторана назад, но возле туалета даже не остановился, а вышел в тамбур. Здесь он натянул на руки резиновые перчатки и через дверь осторожно заглянул в коридор восьмого вагона.

Теперь этот коридор был пуст – Мозговой сидел в своем третьем купе над шахматной доской, а в седьмом купе над точно такой же доской сидел самый невзрачный в мире человек Аристарх Петрович с прикованным к его руке самым потертым в мире кейсом.

Наружная дверь купе Аристарха Петровича была изнутри заперта цепью и забаррикадирована четырьмя тяжеленными кофрами. Зато дверца в душевую была открыта настежь, за ней находилась пустая душевая кабинка с еще одной дверью в соседнее купе, восьмое, и эта дверь была тоже открыта.

А в том восьмом купе сидели два амбала с автоматами Калашникова наперевес – один автомат был направлен на дверь в коридор вагона, а второй – через душевую – на купе Аристарха Петровича.

– Та-а-ак-с... – враспяжку говорил Мозговой в своем купе. – Ферзь «Д-1» на «Д-4». А? Что ты скажешь?

В седьмом купе Аристарх Петрович, переставляя ферзя противника на «Д-4», поправил на груди крохотный микрофон.

– Да... Неплохо... Неплохо...

Именно в этот момент Красавчик, еще раз взглянув на часы, открыл дверь из тамбура в коридор восьмого вагона и стремительно прошел по этому коридору к третьему купе. Остановился, извлек из-под полы своей пушкинской накидки какой-то баллончик с тонким и длинным наконечником, вставил этот наконечник под дверь купе и открыл клапан впрыскивателя.

По-видимому, в баллончике был очень сильный снотворный газ – сидевший за шахматной доской Мозговой уснул буквально в секунду.

А Красавчик в это время уже был у двери восьмого купе, куда тоже впрыснул снотворное, отчего оба амбала с автоматами сонно откинули головы.

И поскольку их купе было соединено с соседним открытой дверью душевой, то почти в ту же секунду обмяк и уснул над своей шахматной доской Аристарх Петрович.

После чего Красавчик, снова взглянув на часы и на пустой коридор, достал из внутренних карманов своего пушкинского пальто ключ-отмычку и маску противогаза. Маску он быстро натянул на лицо, а ключом открыл дверь восьмого купе, вошел в него, стремительно просле-

довал мимо спящих амбалов через душевую в купе Аристарха Петровича, достал из кармана клещи-кусачки и перекусил ими стальную цепочку наручника, которым к руке Петровича был прикован самый потертый в мире кейс. Затем спрятал кусачки, взял кейс с колен спящего Аристарха и тем же путем – через душевую и мимо спящих амбалов – двинулся обратно в коридор.

Вся эта сложная процедура заняла ровно сорок три секунды. На сорок четвертой Красавчик – сняв маску противогаза и задержав дыхание – уже выходил из восьмого купе в коридор. А выйдя, запер дверь ключом-отмычкой и вернулся в тамбур, где, посмотрев на часы, стал открывать своей отмычкой наружную дверь вагона.

Именно в этот момент поезд, замедляя ход, остановился на станции Бологое у первой платформы.

А на соседнем пути, у второй платформы, остановился встречный поезд...

Проводники обоих поездов, держа в руках фонари, сонно сошли из вагонов на платформы, в метельную ночь.

Между тем тыльными своими сторонами эти поезда соседствовали настолько близко, что Красавчик, открыв противоположную дверь вагона, высунулся на миг из тамбура и протянул в ночь самый потертый в мире кейс. А Андрей, с которым Алена ездила в Испанию, высунувшись из тамбура вагона встречного поезда, протянул руку и принял этот кейс.

Загудели электровозы.

Красавчик выбросил на рельсы кусачки, пустой баллончик и маску противогаза, закрыл дверь и направился в вагон-ресторан.

Проводники обоих поездов поднялись в свои вагоны и стали закрывать двери.

Красавчик вошел в ресторан – здесь на столике его уже ждали жульен в маленькой «турочке», таралетка, чашечка капучино, шампанское, бокалы и коробка конфет.

Поезда тронулись, расходясь в противоположные стороны.

Красавчик, глядя в окно, съел не спеша таралетку и жульен, выпил капучино под вкусную сигарету «Честерфилд», щедро расплатился за ужин и пошел в свой вагон с шампанским, бокалами и конфетами, на ходу здороваясь с проводниками и желая им спокойной ночи.

Гудел электровоз...

Поезд, набирая скорость, шел сквозь ночь...

Красавчик открыл незапертую дверь своего купе и вошел в него с шампанским и конфетами.

Однако девушка, которой предназначались эти конфеты и шампанское, уже крепко и сладко спала на нижней полке.

А вся одежда Красавчика, которую он выложил из чемодана, была перемещена на верхнюю полку.

Увидев спящую Алену – ее щеки зарозовелись и губы открылись, как у ребенка, – Красавчик усмехнулся, поставил бокалы и конфеты на столик, осторожно, чтобы пробка не хлопнула, открыл шампанское, налил себе в один из бокалов и, подняв этот бокал, сказал спящей Алене:

– Что ж, детка... За нашу свободу!

38

Гудел-тянул электровоз...

Залитая морозным утренним солнцем, летела навстречу поезду ослепительно снежная русская природа...

Стучали по рельсам колеса...

Поезд приближался к Санкт-Петербургу...

В этом поезде открылась дверь одного из вагонов, и мужская фигура, чуть высунувшись, последовательно выбросила из вагона полушубок-кожух, женское свадебное платье и еще какие-то мелкие предметы женского туалета, неразличимые издали...

Солнце, пробившись сквозь плотные жалюзи в купе, осветило лицо Алены...

Она медленно расклеила ресницы и улыбнулась – сон продолжался, она была в купе волшебного вагона, летящего в сказке. Алена успокоенно закрыла глаза, чтобы посмотреть следующую серию этого сна, как вдруг услышала звук откатывающейся двери. Снова открыла глаза – перед ней стоял ее Принц, ее Ангел и Бог.

– Доброе утро, – сказал он человеческим голосом.

Тут Алену дернуло, как от электрошока, она рывком села на полке и в ужасе захлопала глазами, растерянно озираясь по сторонам.

– Доброе утро, – повторил Красавчик. – Граждане пассажиры, наш поезд приближается к Санкт-Петербургу...

И включил радио, которое повторило за ним слово в слово:

– Доброе утро! Уважаемые пассажиры, наш поезд приближается к Санкт-Петербургу, просим вас не забывать свои вещи...

В тот же миг послышался стук в дверь и голос проводника:

– Чай? Кофе? Бутерброды? Фрукты?

Красавчик чуть откатил дверь, ответил:

– Два чая, бутерброды и фрукты. – И Алене: – Или ты хочешь кофе?

Алена, не веря ни своим глазам, ни ушам, закрыла глаза и в обмороке рухнула обратно спиной на подушку.

39

В Питере на Московском вокзале врачи «скорой помощи», вызванные к восьмому вагону поезда «Красная стрела», приводили в себя беспробудно спящих пассажиров – Мозгового, Аристарха Петровича и двух его дюжих охранников. Сюда же, к восьмому вагону, спешила и милиция...

А тем временем из пятого вагона носильщик вынес роскошные чемоданы Красавчика, и следом за ним сошли Красавчик и Алена. Алена была действительно в шелковой рубашке, кашемировом джемпере, спортивных брюках и дубленке Красавчика, только на ногах были ее родные тверские валенки. Ступая этими валенками по запорошенному снегом перрону, она восторженно вертела по сторонам головой.

Смешавшись с потоком пассажиров, они вышли на привокзальную площадь, и носильщик перегрузил их багаж в такси.

И вот они уже катят по утреннему и залитому солнцем Невскому проспекту, мимо памятника Екатерине... Но Красавчик вдруг остановил машину, вышел из нее, скрылся в каком-то магазине, а через минуту вернулся с импортными коробками, и они покатали дальше – Адмиралтейство... Исаакиевский собор... гостиница «Астория»...

Да, сказка продолжалась. Уже через пятнадцать минут Алена, одетая и обутая в обновки, и Красавчик завтракали в сказочном ресторане «Астории» – перед ними на столе красовались розетки с икрой, ломтики поджаренного хлеба, запотевшие бокалы с апельсиновым соком. Но во всей этой ирреальности Алену больше всего волновали теплые и смеющиеся глаза Принца, сидящего напротив, и его волшебный голос, рассказывающий что-то смешное, веселое, легкое. Даже когда у него зазвонил мобильный, он не спускал с Алены своих смеющихся глаз.

– Получили? – говорил он в трубку. – Замечательно! Значит, за Испанию я с фондом рассчитался и даже с лихвой. Очень хорошо, ты же знаешь мой принцип жить без долгов... Я

позвоню уже оттуда, пока! Хотя нет, подожди. Передай Андрею привет от одной его знакомой. Мы с ним немножко испортили ее день рождения, но я это сейчас исправляю. Чао!

Он спрятал свой мобильный, Алена спросила:

– А вы по жизни вообще чем занимаетесь?

– Я? По жизни? – Он усмехнулся. – По жизни я игрок.

Алена засмеялась.

– А вам партнеры нужны? Нет, правда! Я для вас что угодно сделаю!

– Ты это уже говорила. Так уж и что угодно?

Алена порывисто вскочила:

– Хотите – из окна прыгну!

Красавчик молчал, глядя на нее с прищуром, словно обдумывая какую-то идею.

– Слышите? – нетерпеливо сказала Алена.

Он усмехнулся:

– Нет, не слышу.

– Возьмите меня в партнеры!

– Нет, – сказал он. – Не слышу.

Алена вскочила на стул и крикнула на весь ресторан:

— Возьмите меня в партнеры!!!

Весь зал, вся эта деловая публика, завтракающая обычно в «Астории», повернулись на этот крик, и метрдотель поспешил к их столику.

– Вот теперь слышу. – И Красавчик успокоил метрдотеля: – Все в порядке, я взял ее в партнеры...

И – снова такси, и Питер, залитый солнцем, искрящийся морозом и снегом. Дворцовая площадь... Зимний дворец... Мосты через Неву... Стрелка Васильевского острова... Большой проспект...

У Алены перехватило дыхание от открывшейся красоты.

– А куда мы едем?

В конце проспекта открылась безграничная серая гладь Финского залива, гавань и стоящий у пирса невероятно огромный и немислимо красивый белоснежный морской лайнер-паром.

– Ой! – задохнулась Алена от этой красоты.

Такси остановилось перед морским вокзалом, и подоспевший носильщик выгрузил из багажника чемоданы Красавчика, покати́л их в здание вокзала. Красавчик взглянул на часы, расплатился с таксистом и повел Алену следом за носильщиком.

– Мы уезжаем? – восхитилась Алена продолжению сказки. – На пароходе?

— Пока уезжаю я один, – мягко, как ребенку, ответил Красавчик.

Алена испугалась:

– А я?

Входя за носильщиком в зал морвокзала и прислушиваясь к объявлению о посадке на паром Петербург – Стокгольм, он сказал:

– А ты прилетишь ко мне ровно через месяц. Хорошо?

– Почему через месяц? – обиженно спросила она.

– Так надо. – Он стал в очередь на посадку на паром. – Запомни: двадцатого апреля, восемнадцать ноль-ноль, Париж, отель «Крийон». Повтори. – И он опустил что-то в ее карман.

– Двадцатого апреля, восемнадцать ноль-ноль, Париж, отель «Крийон», – с готовностью повторила Алена и тут же спохватилась: – Но у меня же нет денег. И – ой, нет, ничего не получится!

– Что не получится?

— У меня в паспорте отметка о депортации из Испании! Они сказали, что меня уже никогда не пустят в Европу!

– Этот паспорт выброси. Зайди в Москве в Фонд поддержки воздушных путешествий в защиту мира и прогресса, там тебя уже знают. Они тебе сделают паспорт, билет и визу. – И Красавчик подал свой паспорт пограничнику, стоявшему перед выходом на пирс.

– Как? – испугалась Алена такой быстрой развязке. – И это все?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.